

Эрнест Брама

Глаза Макса Каррадоса

Макс Каррадос

Эрнест Брама

Глаза Макса Каррадоса

«ИДДК»

1923

Брама Э.

Глаза Макса Каррадоса / Э. Брама — «ИДДК», 1923 — (Макс Каррадос)

Произведение, впервые опубликованное в начале XX века, считается классикой британского детектива и нередко ставится в один ряд с историями о Шерлоке Холмсе, но отличается уникальным образом главного героя и особым вниманием к теме восприятия мира. Главный герой, Макс Каррадос, – слепой детектив, который превратил потерю зрения в преимущество: обострившиеся слух, обоняние и осязание вместе с блестящей дедукцией помогают ему раскрывать преступления, недоступные для обычных детективов. **ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ. ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ УПОМИНАНИЕ КУРЕНИЯ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ. КУРЕНИЕ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЕ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.** Содержание книги "Глаза Макса Каррадоса": Мошенничество с "Вирджиниолой" Исчезновение Мари Север Тайна башни Данстан Тайна отравленного блюда из грибов Призрак в "Мэссингем Мэншнс" Сенсационное исчезновение актрисы Изобретательный мистер Спинола Дело о шпионаже в Кингсмуте Восточная тайна

© Брама Э., 1923

© ИДДК, 1923

Содержание

Мошенничество с «Вирджиниолой»	6
Исчезновение Мари Север	21
Тайна башни Данстан	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Эрнест Брама

Глаза Макса Каррадоса

© ИДДК

Содержание цикла "Макс Каррадос":

Макс Каррадос
Глаза Макса Каррадоса
Тайны Макса Каррадоса
Лондонский браво

Мошенничество с «Вирджиниолой»

Если и было в Максе Каррадосе нечто такое, что неизменно удивляло и даже слегка шокировало его знакомых, так это необычайно широкий и ничем не ограниченный круг его увлечений. Если бы этот незрячий джентльмен проявлял меланхолический интерес к камерной музыке, изредка посещал оперу, совершал ежедневные прогулки по парку под руку со слугой и находил привычное отдохновение в шахматах или слушании чтеца, такой распорядок казался бы в высшей степени подходящим и естественным. Но зайти в «Турретс» и узнать, что Каррадос отправился кататься на плоскодонке по реке, или застать его в спортзале, вероятнее всего – в боксерских перчатках, значило нанести удар по чужим представлениям о приличиях.

Самым необычным в его хобби было как раз то, насколько они обыденны. Он часто проводил послеобеденное время на стадионе «Лордс», когда намечалась хорошая игра; играл в гольф, боулз, крокет и карты; удил рыбу в самых разных водах и признавался, что не пропустил ни одной лодочной гонги между Оксфордом и Кембриджем со времен того самого великого финиша 1891 года. Прогуливаясь по улицам в радиусе двух миль от своего дома, он совершенно не нуждался в провожатых, а однажды на Ричмондском мосту он спас жизнь оцепеневшей от ужаса девушке, успев затащить ее в нишу за мгновение до того, как на нее налетела неуправляемая телега, выскочившая на тротуар.

Эта прелюдия служит объяснением того, как относился к Каррадосу некий мистер Маррабл, которого тот знал так же хорошо, как и сотню других странных, но полезных людей. У Маррабла имелись апартаменты в районе Пикадилли, обставленные и украшенные с исключительной роскошью. Его безделушки, картины, книги и предметы интерьера, по сути, и были его источником дохода: он считался одним из лучших знатоков искусства и антиквариата в Лондоне. С видом беспечного безразличия он приятно и прибыльно шел по жизни, вкушая мед, добытый в ходе одной легкой сделки за другой. Живя своим умом в самом прямом смысле слова, он пользовался всеми преимуществами торговца, не обременяя себя содержанием лавки. Ему даже не требовалось искать «выгодные предложения» в обычном понимании: покупка на массовом рынке и перепродажа на рынке очень специфическом и закрытом давали внушительную прибыль. Эта коммерческая схема, встречающаяся чаще, чем можно вообразить, не подразумевала никакого обмана: его богатые и эксклюзивные клиенты охотно переплачивали за печать знатока, которую накладывал мистер Маррабл, и, возможно, за ту любезную неохоту, с которой он совершал свои операции.

Дело, приведшее Каррадоса в комнаты этого дилера-любителя в один апрельский день, не имеет отношения к нашему случаю. Встреча прошла дружески и к взаимному удовольствию, но лишь когда Каррадос поднялся, чтобы уйти, нить разговора коснулась истории с «Вирджиниолой».

– Мне нужно быть у Гернарда около половины четвертого, – заметил Маррабл, взглянув на позолоченные часы времен Людовика XVI, которые он уже присмотрел для одной графини из музыкальных комедий¹ за двести пятьдесят гиней. – Вам по пути?

– «Гернард и Лейн» – те самые аукционисты?

– Да. Сегодня после полудня у них распродажа книг.

– Надеюсь, я вас не задержал? – извинился Каррадос.

– О, ничуть. Среди первых лотов нет ничего, что бы меня интересовало. – Он взял каталог с бюро из атласного дерева, в котором когда-то хранила свои театральные афиши мадемуазель Марс, и пробежал глазами по страницам. – Нет, номер сто девяносто первый – первый из

¹ Ироничное описание актрисы легкого жанра, которая, вероятно, вышла замуж за титулованную особу или просто вела светский образ жизни.

тех, что я отметил: «Отчет о вновь открытых островах сэра Джорджа Коммерса, именуемых „Вирджиниола“». Вы, кстати, не мой конкурент?

– Нет, – ответил Каррадос. – Но если вы не против, я бы хотел пойти с вами.

Маррабл посмотрел на него со смесью подозрительности и любопытства.

– Вам там наверняка покажется невыносимо скучно – ведь вы ничего не увидите, – заметил он.

– Я обычно умудряюсь извлечь крупицу интереса из всего происходящего, – скромно сказал Каррадос. – К тому же я еще ни разу не бывал на книжных аукционах...

– О, в таком случае идемте, – прервал его собеседник. – Я буду очень рад вашей компании. Просто в первый момент я был удивлен самой мыслью об этом. Должен, однако, предупредить, что этот аукцион – событие не самого крупного масштаба: ни «Кэкстонов», ни первых фолиантов Шекспира. А значит, там не будет ни герцогов-библиофилов, ни министров-литераторов, зато соберется толпа более или менее неопрятных дилеров.

Беседуя, они спустились на улицу. Маррабл поманил пальцем ближайшее такси на стоянке, открыл дверцу перед Каррадосом и назвал водителю адрес аукционных залов, о которых шла речь.

– Не рассчитываю на большой улов, – рассуждал он, перелистывая последние страницы каталога, который все еще держал в руке. – Я отметил с десяток лотов, но половина из них меня не особенно волнует. Но вот «Вирджиниолу» я бы непременно хотел заполучить.

– Полагаю, это редкость? – осведомился Каррадос. Будучи равнодушным к книгам с точки зрения библиофила, он все же был способен разделить тот интерес, который один коллекционер обычно готов проявить к увлечениям другого.

– Да, – веско подтвердил Маррабл. – Да. В своем роде это чрезвычайная редкость. Но данный экземпляр с дефектом – в нем отсутствуют страницы Посвящения и Обращения. Это колоссально собьет цену, и все же именно этот изъян делает книгу привлекательной для меня.

На мгновение в нем завязалась борьба между скрытностью, продиктованной его положением, и чисто человеческим желанием блеснуть своей проницательностью. Слабость победила.

– Несколько месяцев назад, – продолжил он, – я наткнулся на еще один экземпляр «Вирджиниолы» среди книжного хлама у одного букиниста в Бристоле. Это был совершенно паршивый образец: обе обложки отсутствовали, десятки страниц вырваны, а большинство оставшихся – ужасающе грязные и рваные. По сути, это был лишь фрагмент, и меня не соблазнила даже номинальная цена в одну гинею, которую за него просили. Но теперь...

– Совершенно верно, – согласился Каррадос.

– Первые несколько страниц как раз были той частью, что сохранилась в приличном виде. У меня феноменальная память на такие детали. Нужные мне страницы пожелтели, но они целы. Солнечный свет или ванна с хлорной известью приведут их в порядок. Если я заполучу эту «Вирджиниолу», то завтра же съезжу в Бристоль.

– Поздравляю вас, – сказал Каррадос. – Если только, конечно, ваш бристольский друг не приедет сегодня в Лондон!

Мистер Маррабл изрядно вздрогнул. Затем он покачал головой с понимающим видом.

– Нет, этого он не сделает. Он всего лишь мелкий лавочник с окраины. Правда, если бы он узнал, что продается «Вирджиниола» как раз без тех страниц, что есть у него, он мог бы написать какому-нибудь лондонскому дилеру, но он не узнает. По какой-то причине составители каталога упустили этот дефект. Конечно, любой эксперт заметит отсутствие страниц сразу, как это сделал я сегодня утром, и книгу будут продавать как дефектную. Но даже если мой «бристольский друг», как вы его называете, случайно увидит каталог, в нем не будет ничего, что подсказало бы ему выгодную лазейку.

– Великолепно, – признал слепой. – А сколько бы стоила идеальная «Вирджиниола»?

– Аукционная цена? Около пятисот гиней.

– А сегодняшний экземпляр?

– О, тут сложнее. Видите ли, все идеальные экземпляры похожи друг на друга, но каждый дефектный экземпляр уникален в своем роде. Ну, скажем, от ста пятидесяти до трехсот – в зависимости от того, кому она понадобится. Я буду вполне доволен, если возьму ее по средней цене.

– Двести двадцать пять? Да, пожалуй. Пятьсот минус двести двадцать пять, плюс одна гинейя за бристольский экземпляр – итого двести семьдесят четыре гинейи чистой прибыли. Что ж, за такси точно платите вы!

– О, я не прочь угостить вас поездкой на такси, – велеречиво провозгласил мистер Маррабл. – Но не ограничивайте меня пятью сотнями – это лишь аукционная цена. Я бы хотел получить чуточку больше... если вообще решу выпустить эту книгу из своей личной библиотеки, разумеется. Скорее всего, я оставлю ее себе. Ну вот, мы и приехали.

Такси причалило к бордюру напротив скромного фасада фирмы «Гернард». Мистер Маррабл проводил своего друга в аукционный зал к свободному стулу у стены, а сам отправился наблюдать за сражением с более близкого расстояния. Каррадос слышал, как краснобай-аукционист объявил лот номер 142, и в течение следующих пятидесяти лотов следил за странно невозмутимым ходом торгов со своим особенным, чисто исследовательским интересом.

– Лот 191, – объявил спокойный, неустойчивый голос. – «Отчет о вновь открытых островах» и так далее. – Наконец в воздухе пронеслось слабое предвкушение. – К сожалению, самой книги не было перед нами в момент составления каталога. Лот 191 имеет дефекты и продается без права возврата; тем не менее это весьма желанный том. Какую цену я могу услышать за лот 191? «Отчет...» в оригинальном кожаном переплете, с изъятиями, возврату не подлежит.

Как и предсказывал мистер Маррабл, дефектная «Вирджиниола» занимала довольно специфическое положение. «Нужна ли она кому-то еще?» – этот вопрос вертелся в головах у многих; «И если да, то насколько сильно?» Все выжидали, пока, наконец, вопрос не свелся к самому простому: «Нужна ли она хоть кому-нибудь?»

– Могу ли я предложить начать с двухсот гиней? – убедительно спросил аукционист.

Крупный мужчина с тяжелым лицом, который по всем внешним признакам вполне мог сойти за торговца скотом с севера, открыл торги. Он, во всяком случае, мог бы разом развеять неопределенность и избавить присутствующих от ожидания. Имея на руках сразу два поручения на покупку, он был обязан поднять цену на один пункт выше того, что значилось в его менее крупном заказе.

– Сто двадцать один фунт.

– Гиней, – донеслось из-за столов, словно пощечина.

– Сто двадцать восемь фунтов.

– Гиней.

– Сто тридцать пять.

– Гиней.

– Сто пятьдесят.

– Гиней.

Этот поединок начал напоминать попытки неповоротливого толстокожего зверя стряхнуть с себя атаку прыткого хищника бесплодными рывками и прыжками. Но тут вмешались другие голоса, кивки и поднятые брови, усложняя прямую схватку, и эта двойственная арифметика заскакала между фунтами и гинейями в ошеломляющем ритме. Затем, так же внезапно, как и возникла, эта канонада сошла на нет, оставив двух изначальных противников, словно двух доблестных воинов, вышедших из общей свалки.

– Двести тридцать.

– Гиней.

– Двести пятьдесят.

– Гиней.

– Двести семьдесят.

Ответа не последовало. Крупный мужчина в тяжелом ольстере и шляпе-котелке, по всей видимости, все-таки пережил атаку: слон перетерпел ягуара.

– Двести семьдесят фунтов? – Аукционист обвел вопросительным взглядом каждого участника битвы и занес молоток. – Ваша ставка бита, сэр. Нет надбавок? За двести семьдесят фунтов?..

Молоток начал опускаться. Два десятка карандашей вписали «£270» напротив лота 191.

– И восемьдесят!

Голос нового претендента прозвучал резко и по-деловому. Без лишнего пафоса он нес в себе бодрое послание: «Мы только начинаем. Я чувствую себя в отличной форме». Этот голос перехватил молоток на полпути и заставил его замереть. Крупный мужчина почувствовал себя усталым и павшим духом. Он сдвинул шляпу на затылок, медленно покачал головой, не отрывая глаз от каталога, и погрузился в тяжелое раздумье. Каррадос внутренне улыбнулся выдержке и тактике своего друга.

– Двести восемьдесят. Благодарю вас, сэр. Двести восемьдесят фунтов?.. – Он интуитивно почувствовал, что цена окончательная, и молоток решительно опустился. – Мистер Маррабл... Лот 192, «История и древности графства...» и так далее. Выставляйте на торги, пожалуйста. Один фунт?..

После окончания торгов мистер Маррабл подошел к Каррадосу в прекрасном расположении духа. Разумеется, за «Вирджиниолу» пришлось отдать немалую сумму, но сами обстоятельства сделки привели его в восторг. К тому же он заполучил большую часть других лотов, которые наметил, причем по весьма умеренным ценам.

– Я выписал чек и получил ордер на выдачу, – пояснил он. – Когда вернусь, пошлю своих людей за книгами. Что скажете обо всем этом?

– Крайне интересно, – ответил Каррадос. – Я получил истинное удовольствие.

– Ну еще бы... Но как они охотились за этой «Вирджиниолой», а?

– Да, – признал Каррадос. – Чувствую, теперь моя очередь угощать поездкой на такси. Вас подбросить?

Мистер Маррабл милостиво согласился, и они снова отправились в путь.

– Послушайте, – сказал этот джентльмен, когда они уже подъезжали к его дому, – кажется, я смогу найти ту камею Римини, о которой говорил вам, если вы не против снова подняться ко мне. Хотите взглянуть, раз уж вы здесь?

– Разумеется, – ответил Каррадос. – Я бы хотел подержать ее в руках.

– В таком случае такси можно отпустить. Стоянка совсем рядом.

Камея оказалась интересной и повлекла за собой показ еще пары изящных вещей. Хозяин велел подать чай и без труда уговорил Каррадоса остаться (а Каррадоса мог развлечь кто угодно, за исключением тех редких личностей, что не обладают глубокими знаниями ни в одной области). Так случилось, что слепой джентльмен все еще был там, когда вернулся слуга с книгами.

– Послушайте, Каррадос! – окликнул его мистер Маррабл. Он пересек комнату, чтобы поговорить со своим человеком, который поднялся к нему сразу по возвращении. Слуга продолжал объяснения, и было очевидно, что произошло нечто досадное. – Вот ведь чертовщина, – продолжил мистер Маррабл, разрываясь между обоими собеседниками. – Феликс только что был у Гернарда, и там ему говорят, что «Вирджиниолу» не могут найти!

– «Временно затерялась», так сказал тот джентльмен, – добавил Феликс.

– Они вернули мне чек до тех пор, пока книга не найдется, но вы когда-нибудь слышали о чем-либо подобном? Я собирался завтра утром уехать в Бристоль ранним поездом. Теперь ума не приложу, что мне, черт возьми, делать.

– Почему бы не вернуться и не выяснить, что произошло на самом деле? – предложил Каррадос. – Вам они скажут больше, чем вашему человеку. Если книга украдена, поездку можно отменять. Если же она просто затерялась – полагаю, они имеют в виду, что ее кто-то по ошибке прихватил с собой, – то, возможно, она уже на пути обратно.

– Да, пожалуй, мне лучше съездить. С вас, я полагаю, на сегодня уже хватит?

– Напротив, я как раз собирался просить вас разрешить мне составить вам компанию. Дело становится интересным.

– Надеюсь, что нет, – парировал Маррабл. – Поехали, если у вас есть время, но меня бы больше всего устроил самый скучный финал.

К тому времени как они спустились к дверям, Феликс уже вызвал другое такси, и во второй раз за этот день они помчались по улицам Вест-Энда к тем самым аукционным залам.

– Кажется, снова ваша очередь платить, – предложил Каррадос, когда они прибыли. – Вы берете на себя нечетные поездки, а я – четные!

Внутри заведения персонал казался явно выбитым из колеи этим досадным происшествием; было очевидно, что в воздухе так и летали колкие слова. В частном кабинете, куда визитка мистера Маррабла обеспечила им немедленный доступ, они застали всех причастных к пропаже: те в сотый раз повторяли друг другу одно и то же.

– Книги на полках нет, а номер в ордере на выдачу проставлен; это все, что мне известно, – твердил один из служителей зала с видом безвинно страдающего мученика.

– Да-да, – признал аукционист, проводивший торги. – Никто... О, мистер Маррабл, я рад, что вы здесь. Вы уже слышали о нашем... э-э... хм...

– Мой человек вернулся и сообщил что-то о том, что книга – «Вирджиниола» – затерялась, – ответил мистер Маррабл. – Пока это все, что я знаю.

– Что ж, это прискорбно, и нам остается лишь просить у вас снисхождения. Однако все довольно просто, и я надеюсь, что ничего серьезного не произошло.

– Меня заботит лишь одно, – перебил мистер Маррабл, – получу ли я книгу и когда?

– Мы надеемся передать ее вам в руки... что ж, в самое ближайшее время. Как я и говорил, случилось вот что: другой покупатель приобрел несколько лотов. Среди них был лот номер 91. Мой секретарь в суматохе обязанностей случайно вписал в ордер лот номер 191. – Жест отчаянного протеста со стороны несчастного молодого человека, о котором шла речь, остался незамеченным.

– Следовательно, когда этот джентльмен забирал покупки в конце торгов, он унес с собой и «Вирджиниолу». Как только он заглянет в сверток, то сразу обнаружит подмену и... э-э... разумеется, вернет том.

– Понятно, – согласился мистер Маррабл. – Все звучит логично, но для меня эта задержка крайне неудачна. Вы, кстати, уже послали за покупателем?

– Мы не посылали за ним, так как он живет в Дербишире, – последовал ответ. – Вот его визитка. Мы немедленно напишем ему, но велика вероятность, что он останется в Лондоне как минимум на ночь.

– Вы могли бы отправить телеграмму.

– Разумеется, мистер Маррабл, мы отправим телеграмму, если вы на этом настаиваете, но это будет выглядеть как проявление недоверия к мистеру... э-э... мистеру Диллуорти из Калининтон-Грейндж, для которого я не вижу никаких причин.

– Допуская, что все произошедшее – чистая случайность, я нахожу ваши действия верными. Но, ради экономии времени, не стоит ли предположить, что здесь замешано нечто иное? – Все посмотрели на мистера Каррадоса, который выдвинул это предположение с большой деликатностью. Молодой человек на заднем плане невольно выдохнул «Ах!» в знак согласия и чуть вышел вперед.

– Вы намекаете, что мистер Диллуорти из Каллингтон-Грейндж станет отрицать факт обладания книгой? – чуть резковато осведомился аукционист.

– Простите, – мягко ответил Каррадос, – а вы лично знакомы с мистером Диллуорти из Каллингтон-Грейндж?

– Нет, разумеется, я...

– И, конечно же, вы не знаете в лицо покупателя лота 91? Это следует само собой. В таком случае, для чистоты нашей гипотезы, я бы предложил исключить мистера Диллуорти, который вполне мог сегодня находиться за сотни миль от Чаринг-Кросс. Что же остается? Его визитная карточка, изготовление которой обойдется максимум в крону, а то и вовсе бесплатно – ведь ее можно подобрать в любой прихожей или на офисном столе.

Аукционист улыбнулся.

– Продуманный план, не так ли? Сэр, имеете ли вы хоть малейшее представление о том, насколько трудно – да что там, невозможно – будет сбыть этот дефектный экземпляр, как только мы объявим о пропаже?

– А если к тому времени он станет идеальным экземпляром? Это могло бы пустить пыль в глаза. Как вы считаете, Маррабл?

– Ого! – воскликнул знаток, чьи мысли резко сменили направление. – Да, в этом что-то есть, мистер Тренчард.

– Даже в этом маловероятном случае «Вирджиниола» останется «белым слоном»². Ее не продать ни сегодня, ни завтра. Любому букинисту потребуется время на сверку тома; выставить ее на аукцион никто не рискнет. Это как украденный Гейнсборо или Леонардо – бесполезный хлам, как только совершена кража.

– Тогда, – рискнул предположить Каррадос, – остается альтернатива, которая могла бы прийти в голову по-настоящему умному мастеру: продать вещь до того, как она будет украдена.

Ситуация начинала выходить за рамки привычного понимания мистера Тренчарда.

– Продать до того, как она будет украдена? – повторил он. – Почему?

– Из-за чрезвычайной трудности, которую вы сами только что доказали, – продать ее после.

– Но как, я не понимаю?

– Я полагаю, – вмешался спокойный голос из дверного проема, – что нам лучше принять совет мистера Каррадоса без лишних споров, Леонард, если он окажет нам великую честь и даст его. Я имею удовольствие говорить с мистером Максом Каррадосом, не так ли? – продолжил седовласый пожилой джентльмен, входя в комнату. – Мой молодой друг Тренчард, ревностно оберегая репутацию фирмы, исходит из убеждения, что нас невозможно обмануть. Мы же с вами, мистер Каррадос, знаем, что это не так. Итак, не скажете ли вы мне – я, кстати говоря, мистер Инг – что же произошло на самом деле?

– Рад бы, если б мог, – чистосердечно признался Каррадос. – К сожалению, мне известно об обстоятельствах дела меньше вашего, и хотя я определенно присутствовал при части торгов, я книгу даже в глаза не «видел» (он развел пальцы рук, иллюстрируя свою мысль) и, вероятно, не приближался на расстояние нескольких ярдов ни к ней самой, ни к ее нынешнему владельцу.

– Но у вас есть идея о примененном методе – какая-то теория, – настаивал мистер Инг. – Вы можете сказать нам, что делать.

– Даже в этом случае я могу лишь сложить два и два и предложить расследование, основанное на здравом смысле.

– Иногда даже за этим приходится обращаться к эксперту, – заметил пожилой джентльмен с весьма комичным видом. – Прошу вас, мистер Каррадос, просветите нас.

² «Белый слон» – идиома, означающая нечто очень ценное, но обременительное, от чего трудно избавиться и что требует больших затрат на содержание.

- В таком случае могу я задать несколько вопросов?
- Безусловно.
- Сэр, я вам нужен? – отстраненно осведомился мистер Тренчард.
- Думаю, нет, если вы любезно оставите книгу учета продаж и документы, спасибо, – ответил Каррадос. – А вот этот молодой человек... – Секретарь аукциона с готовностью шагнул вперед. – Ордер на выдачу у вас? Нет, он мне не нужен. Тот джентльмен, которого мы будем называть мистером Диллуорти... Лот номер 91 был его первой покупкой?
- Да, сэр.
- Цена?
- Три фунта пятнадцать шиллингов.
- Это хорошая цена или выгодная сделка?
- Секретарь посмотрел на мистера Инга.
- Это «Чудесные исцеления» Култорпа, сэр; издание 1674 года, – пояснил он.
- Справедливая цена, – прокомментировал старый джентльмен. – Да, вполне приличная сумма для аукциона.
- «Вирджиниола», насколько мне известно, издана в формате фолио³. А какого размера «Чудесные исцеления»?
- Тоже фолио.
- Какой следующий лот купил мистер Диллуорти?
- Лот 198.
- Были другие?
- Да, сэр. Лоты 211, 217 и 234.
- И цены на эти четыре лота?
- Лот 198 – одна гиней; 211 – двенадцать шиллингов шесть пенсов; 217 – пятнадцать шиллингов; 234 – двадцать три шиллинга.
- Это, должно быть, очень низкие цены?
- На эти книги нет большого спроса. На каждом аукционе, где представлены разные источники, всегда есть определенное количество лотов «для веса».
- Итак, мы видим, что мистер Диллуорти купил лот 91 по хорошей цене. После этого он ничего не предпринимал, пока не прошел лот 191. И сразу после этого он заполучил четыре лота дешевых книг. Это придает подозрениям определенный окрас, но все же может быть чистым совпадением. А теперь, – продолжил он, снова обращаясь к секретарю, – после того как ордер на выдачу был выписан, мистер Диллуорти не одалживал у вас ручку?
- На лице юноши внезапно отразилось узнавание.
- Святые угодники! – не сдержавшись, воскликнул он.
- Ну?
- Так он одалживал? – потребовал ответа мистер Инг, слишком заинтересованный, чтобы тратить время на выговор за манеру выражаться.
- Не совсем так, сэр. Он не просил ручку, но я сам ему ее дал.
- О! – заметил Каррадос. – Это звучит даже лучше. Как же это вышло?
- Его счет составил шесть фунтов двенадцать шиллингов и шесть пенсов. Он дал мне семь фунтов, я выписал ордер и отдал его ему вместе со сдачей. Тогда он сказал: «Кстати, не могли бы вы взять „пятерку“ вместо пяти банкнот по фунту? У меня может не хватить мелочи», – и протянул банкноту. «Конечно, если вы любезно напишете свое имя и адрес на обороте», – ответил я и протянул ему ручку.
- Ту самую, которой вы только что пользовались?

³ Формат книги размером в половину печатного листа (примерно как современный А4 или чуть больше).

– Да, она была у меня в руке. Он отвернулся, и я думал, что он делает то, о чем я просил, но прежде чем он успел бы это сделать, он вернул мне ручку и сказал: «Спасибо; пожалуй, я оставлю все как есть».

– А кто выставил книгу на продажу?

– В каталоге указано «собственность джентльмена», – вставил мистер Маррабл. – Я еще тогда задался этим вопросом.

– Если вы извините меня на минуту, – сказал мистер Инг, – я выясню.

Он вернулся из другого кабинета, любезно улыбаясь, но качая головой.

– «Собственность джентльмена», – повторил он со старческой медлительностью. – Я выяснил, что владелец выразил определенное желание сохранить конфиденциальность сделки. Для клиентов нет ничего необычного в таком требовании. В некоторых вопросах этикета, мистер Каррадос, я столь же ревностно оберегаю интересы фирмы, как и Тренчард, так что, пока мы не получим согласия, этот джентльмен, боюсь, должен оставаться анонимным.

– Вопрос скорее в том, – вставил мистер Маррабл, – куда этот том делся, а не откуда он взялся.

– Иногда, – заметил слепой джентльмен, – после поисков во многих маловероятных местах обнаруживаешь, что ключ торчит в самом замке. Как бы то ни было, кажется, мы здесь больше ничем не можем быть полезны. Если только кто-то из ваших людей не выступит с настоящей зацепкой, мистер Инг, я рискну предсказать, что вам будет выгоднее продолжить расследование за пределами этих стен.

– Но что же нам делать? – довольно растерянно воскликнул старик, увидев, что Каррадос собирается уходить. – Мы в таких делах сущие младенцы – по крайней мере, я про себя это знаю точно.

– Лекарство от этого весьма простое: передайте дело в руки полиции.

– Верно, верно; но для нас все не так уж просто. У нас есть свои интересы и, скажем так, старомодные предрассудки, которые нужно учитывать. Я полагаю... – он стал трогательно-задумчивым, – я полагаю, вас невозможно уговорить, мистер Каррадос?

– Боюсь, что нет, – ответил Каррадос. – У меня сейчас и других забот хватает. Но, кстати, прежде чем вызывать полицию, стоит учесть точку зрения мистера Тренчарда.

– Вы имеете в виду?..

– Я имею в виду, что неплохо бы убедиться в том, что «Вирджиниола» действительно украдена.

– Отправив телеграмму в Каллингтон-Грейндж?

– Если допустить, что Каллингтон-Грейндж вообще существует. Кроме того, есть один безобидный эксперимент для получения косвенных доказательств, который вы могли бы провести в ожидании ответа – а ответ вполне может задержаться по дюжине причин.

– И что же это, мистер Каррадос?

– Пошлите кого-нибудь на Чаринг-Кросс-роуд и разузнайте в букинистических лавках, не были ли там проданы другие книги, которые мистер Диллуорти унес с собой, сразу после аукциона. Их купили только для того, чтобы завершить операцию. Хранить их было бы опасным балластом, но если наш человек не из робкого десятка, он может попытаться выручить за них фунт-другой, пока ничего не стало известно. В процессе вы можете узнать и кое-что еще.

– Да-да, непременно, – согласился мистер Инг. – Мы сделаем это немедленно. И все же, мистер Каррадос, последний совет. Если бы вы взялись за это дело, что бы вы сделали в первую очередь?

Искушение примерить на себя роль оракула было непреодолимым. Каррадос внутренне улыбнулся.

– Я бы попытался найти высокого, близорукого валлийца, торговца книгами, который курит табак сорта «перик», страдает от слабых легких, носит ботинки на толстой подошве и всегда имеет при себе зонт, – ответил он с впечатляющей серьезностью.

Мистер Инг, служитель зала, молодой секретарь и мистер Маррабл переглянулись и начали вразнобой повторять приметы загадочного незнакомца.

– Есть один этот... как его?... старик в красном жилете, который вечно тут отирается, – с надеждой прошептал в сторону служитель. – Он в очках, и я его без зонта никогда не видел.

– Он шотландец, и в нем едва пять футов и три дюйма росту, тупица! – прошипел клерк. – А мистер Поуис, сэр, разве он не валлиец?

– Точно! Поуис с Редмейн-стрит – вот наш человек, – подтвердил мистер Инг. – Верно ведь, мистер Каррадос?

– Не знаю, – ответил Каррадос. – Но если он подходит под описание, то, вероятно, это он и есть.

– И что тогда?

– Тогда, я полагаю, я бы заглянул к нему и склонил к разговору... о Шекспире.

– Да чтоб меня, Каррадос! – воскликнул мистер Маррабл. – Вы же говорили, что ничего не смыслите в коллекционировании книг, а сами, похоже, в курсе, что Поуис специализируется на «Шекспириане» и что «Вирджиниола» его заинтересует. Хотел бы я знать, как долго вы водили меня за нос!

– О, полагаю, я просто начинаю кое-что схватывать на лету, – скромно признал слепой джентльмен.

За время его практики в расследовании преступлений вниманию Каррадоса не раз предлагались обрывки многих тайн – разрозненные главы из чьих-то непростых человеческих жизней, к которым так и не нашлось ни начала, ни конца. Некоторые из них очаровывали его, но до конца оставались непостижимыми; однако краже «Вирджиниолы» – дерзкой выходке, совершенной с ледяной наглостью и не вызывавшей у него большого интереса после того, как он разгадал ее метод, – суждено было раскрыться перед его мысленным взором без всяких усилий с его стороны.

Торги у Гернарда проходили в среду. Пятница же напомнила Каррадосу о камне, который он столкнул с горы: в прихожей появилась визитная карточка с именем и адресом мистера Поуиса из Редмейн-стрит. Мистер Поуис, которого тут же ввели, оказался высоким мужчиной кроткого вида с застарелым кашлем. В одной руке он держал сверток средних размеров, а в другой, несмотря на ясную и устойчивую погоду, – зонт.

– Я торговец старинными книгами, мистер Каррадос, – заметил он в качестве вступления. – Насколько мне известно, я не имею чести числить вас среди своих клиентов, но смею полагать, вы догадываетесь, что привело меня сюда.

– Вам лучше самому мне сказать, – ответил Каррадос.

– О да, мистер Каррадос, я скажу. Непременно скажу, – отрезал мистер Поуис чуть громче, чем того требовала необходимость. – Вчера ко мне заглянул мистер Инг. Сказал, что «просто проходил мимо» – «просто проходил», понимаете ли.

Мистер Поуис подчеркнул тщетность этой уловки сардоническим смехом.

– Очаровательный старый джентльмен, – приятно заметил Каррадос. – Не думаю, что он смог бы обмануть даже кролика.

– Вот и я так не думаю, – подтвердил мистер Поуис. – «Кстати, – сказал он, – вы видели „Вирджиниолу“, которую мы вчера продали?» «Кстати»! Да, именно так он и выразился.

Каррадос с улыбкой кивнул, оценив ситуацию.

– «Ого, – подумал я, – „Вирджиниола“!» «Да, мистер Инг, – сказал я ему, – это был славный экземпляр, не считая изъяна, но неделю назад я мог бы показать вам экземпляр и получше, причем совершенно идеальный в придачу».

«У вас тоже есть такая?» – спросил он.

«Разумеется, – ответил я, – иначе я бы так не говорил. По крайней мере, была, но сейчас она, возможно, уже продана. Она отправилась к одному джентльмену в Ратленд».

«Ратленд; крошечное местечко», – задумчиво заметил он. «Вы не против назвать имя вашего клиента?»

«Ничуть, мистер Инг, – сказал я ему. – С чего бы мне быть против? Мне потребовалась четверть века, чтобы наработать связи, но пускай все в нашей лавке о них знают. Этот джентльмен – сэр Роланд Чаргрейв из Денсмор-холла».

– Так вот, послушайте, мистер Каррадос: по тому, как мистер Инг ахнул, когда я это произнес, я понял, что-то здесь нечисто. Похоже, это ваших рук дело, что меня в это втянули, и я хочу знать, в каком положении нахожусь.

– У вас есть какие-то опасения относительно вашего положения? – осведомился Каррадос.

– Нет, мистер Каррадос, никаких! – возмущенно воскликнул гость. – Я купил свою «Вирджинию» три или четыре недели назад и заплатил за нее хорошую цену.

– В таком случае вам точно не о чем беспокоиться.

– Но у меня есть масса поводов для беспокойства! – возопил мистер Поуис. – Мне нужно сбыть экземпляр «Вирджинию»...

– О, так она все еще у вас?

– Да, мистер Каррадос, у меня. Благодаря тому, что болтают у меня за спиной, книгу мне сегодня утром вернули. Мое имя связали с краденым экземпляром, а покупатели, знаете ли, становятся очень осторожными, когда слышат подобное. А слухи – они ползут; о да! Вы можете не знать как, но уже сегодня в Уэльсе будут спрашивать: «Вы слышали, что говорят о мистере Поуисе из Лондона?», а завтра в Шотландии: «Этого старого чертова пройдоху Поуиса наконец-то поймали!».

Несмотря на отчаянную серьезность мистера Поуиса, Каррадос не смог сдержать смех – настолько экспрессивным был этот рассказ.

– Полноте, мистер Поуис, – сказал он успокаивающе, – все не так плохо, поверьте. В любом случае вам достаточно предъявить квитанцию об оплате.

– О, очень мило, просто замечательно! – парировал валлиец с запредельным сарказмом. – Показать покупателю квитанцию! Превосходно! Это был бы отличный способ вести дела в торговле старинными книгами! К тому же, – добавил он довольно неуверенно, – так вышло, что в данном случае у меня нет никакой квитанции.

– Разве это не... досадная оплошность? – предположил Каррадос.

– Не сомневаюсь, что я легко мог бы ее раздобыть. Позвольте мне изложить вам обстоятельства дела, мистер Каррадос. Я лишь хочу убедить вас, что мне нечего скрывать.

С этим похвальным намерением мистер Поуис становился все более и более любезным, а в его манерах оставалось все меньше «валлийского». По сути, он растратил все то негодование, что копил в предвкушении словесной перепалки, – своего рода защитная мимикрия, свойственная людям с мягким характером.

– Я купил эту книгу у преподобного мистера Уинча, викария из Фордриджа, что в Лестершире. Несколько недель назад я получил из Фордриджа заказную посылку с прекрасным экземпляром «Вирджинию». Той же почтой пришло письмо от мистера Уинча. Кажется, оно у меня с собой... Впрочем, неважно; суть была в том, что книга хранилась в семье автора письма на протяжении многих поколений. Будучи в некотором роде коллекционером, он никогда не желал ее продавать, но внезапное несчастье вынудило его теперь искать деньги. Он получил заражение крови через руку, и ему нужно было приехать в Лондон на операцию. После этого ему предстояло долгое морское путешествие. Далее он писал, что слышал о моей заинтересованности как покупателя и заглянет через день-другой. Тем временем он выслал книгу, чтобы

дать мне полную возможность ее изучить. Ничего не могло быть более прозрачным, мистер Каррадос. Два дня спустя мистер Уинч зашел ко мне. Мы обсудили цену и в конце концов сошлись на... ну, на определенной цифре.

– Вы можете положиться на мою осмотрительность, мистер Поуис.

– Я заплатил ему двести шестьдесят фунтов.

– Это была справедливая цена при таких обстоятельствах?

– Я полагал, что да, мистер Каррадос. Не то чтобы сделка была плохой, но и чересчур выгодной ее не назовешь.

– Вам порой случалось покупать и удачнее? – улыбнулся Каррадос.

– Часто. Если я покупаю книгу за три пенса и перепродаю за шиллинг, то зарабатываю больше, хоть это и звучит не так солидно. Разумеется, я торговец, и мне нужно жить на прибыль, а также перекрывать неудачные сделки удачными. Понимаете, если бы я имел на примете немедленного покупателя, книга могла бы стоить для меня гораздо дороже. Должен сказать, цена, за которую ее продали в среду у Гернарда, меня удивила. Цены, безусловно, растут, но всего пять лет назад за такие деньги потребовался бы практически идеальный экземпляр.

– В любом случае мистер Уинч согласился?

– Я бы сказал, он остался совершенно доволен, – уточнил мистер Поуис. – Видите ли, мистер Каррадос, ему нужны были деньги немедленно, и он не мог ждать аукциона – не говоря уже о неопределенности и расходах. Я уже выписывал чек, когда он напомнил мне, что его правая рука не действует, и попросил сделать пометку «предъявителю». Вот почему у меня не оказалось квитанции.

– Да, – согласился Каррадос. – Да, вот оно что. А как было подписано письмо?

– Оно было напечатано на машинке, как и весь текст. Вы же помните, что на момент написания у него болела рука.

– Верно. Вы обратили внимание на почтовый штемпель – это был Фордридж?

– Да; нужно понимать, что мистер Уинч отправил книгу почтой еще до того, как уехал из Фордриджа в Лондон. – Посетителю показалось, что мистер Каррадос соображает довольно медленно даже для слепого.

– Кажется, я начинаю улавливать суть ситуации, – мягко произнес Каррадос. – Разумеется, у вас не было повода писать ему в Фордридж?

– Ровным счетом никакого. К тому же он почти сразу должен был приехать в Лондон. Если бы мне и пришлось писать, то в отель «Фицалан», что рядом со Стрэндом. А теперь вот сама книга, мистер Каррадос. Вы видели... то есть изучали «аукционную» «Вирджинию»?

– Нет, к сожалению, нет.

– Жаль. Теперь бы вы поняли, насколько мой экземпляр превосходит тот, даже если не брать в расчет отсутствующие страницы.

– Охотно верю. – Каррадос перелистывал страницы книги, которую передал ему мистер Поуис. – А что это за надпись на странице с посвящением?

– А, это, – небрежно бросил торговец. – Кто-то из прежних владельцев вписал туда свое имя.

– Полагаю, это считается изъясном?

– Ну, в какой-то мере да, – признал мистер Поуис. – Будь там написано «Уильям Шекспир», это добавило бы тысячу гиней; но раз там всего лишь «Уильям Шулак», это скидывает фунта два-три.

– Возможно, – предположил Каррадос, – именно это пятно заставило сэра Роланда Чаргрейва отказаться от книги?

– Нет-нет, – настаивал мистер Поуис. – Кто-то ему на что-то намекнул. Я не говорю, что виноваты вы, мистер Каррадос, но подозрение возникло, оно поползло повсюду.

– Но сэр Роланд – единственный человек, на которого это не должно было повлиять, – заметил Каррадос. – Он-то уж точно должен знать, что этот экземпляр вне подозрений, ведь в то время, когда тот, другой, крали, этот фактически находился у него в руках, и находился уже... как долго?

– Пять или шесть дней; он держал его около недели. И это, несомненно, так, если брать конкретный случай. Но злонамеренный слух коварен, мистер Каррадос. «Такой-то ненадежен; он торгует сомнительным имуществом; лучше быть осторожнее». Этого достаточно. Нет-нет, мистер Чаттон ничего не сказал о каких-либо претензиях к книге – лишь то, что сэр Роланд решил ее не оставлять.

– Мистер Чаттон?

– Он там секретарь или библиотекарь. Я часто вел с ним дела при старом баронете. Нынешний владелец – племянник, вступивший в права всего несколько месяцев назад. Что ж, мистер Каррадос, надеюсь, я убедил вас, что эта «Вирджиниола» досталась мне законным путем?

– Едва ли.

– Не убедил?! – воскликнул мистер Поуис в полном изумлении.

– Я в этом и не сомневался. На аукционе я случайно услышал ваше замечание другу о том, что вы недавно приобрели экземпляр. Мое предложение мистеру Ингу сводилось лишь к намеку на то, что с вашими исключительными знаниями и уникальным опытом вы, вероятно, сможете направить их на верный путь в том, что касается сбыта украденного тома и прочего. Досадное недоразумение.

Мистер Поуис уставился на него, а затем несколько раз кивнул с выражением крайнего смирения.

– Этот старик уже ни на что не годен, – прочувствованно заметил он. – Мог бы и не тратить время на дорогу. Что ж, я пойду, мистер Каррадос.

– Еще нет, – гостеприимно возразил Каррадос. – Я собираюсь уговорить вас остаться и пообедать со мной, мистер Поуис. Я хочу... – он все еще с любопытным упорством перебирал пальцами первые страницы «Вирджиниолы», – я хочу, чтобы вы объяснили мне, как переплелись эти интересные старинные книги.

После ухода мистера Поуиса несколько часов спустя Каррадос мог бы резонно заключить, что история с кражей «Вирджиниолы» для него закончена: теперь он был уверен, что дело никогда не дойдет до публичного разбирательства в суде. Но волей-неволей эта история преследовала его. Мистер Карлайл собирался обедать у него одним вечером на следующей неделе. Это была твердая договоренность, но днем частный детектив позвонил другу, не зная, как ему поступить: на вечер к нему навязался молодой человек, который помогал ему в одном деле.

– Ты самый любезный из людей, Макс, – прошептал мистер Карлайл, – но, право, мне неловко просить...

– Обязательно приводите его, – согласился самый любезный из людей. – Я ожидаю, что сегодня заглянут еще двое-трое.

И мистер Карлайл привел его.

– Мистер Чаттон, Макс.

Скромный молодой человек, чье лицо выражало вечную и покорную готовность помочь, пожал Каррадосу руку. Трудно было представить себе кого-то менее похожего на лощеного и самоуверенного личного секретаря. Манеры мистера Чаттона были манерами благонамеренного человека, который вечно совершает промахи из-за слишком добросовестного отношения к долгу, знает об этом наперед и страдает от неизбежности очередной катастрофы.

– Я тут как раз взялся за дело, которое могло бы тебя заинтересовать, Макс, – сказал мистер Карлайл, когда они стояли втроем. – Все довольно просто, но речь идет о краже ценной

старинной книги. Гернард вызвал меня... – И он принялся излагать подробности исчезновения «Вирджиниолы».

– И вы сами отправились к Гернарду, чтобы во всем разобраться, мистер Чаттон? – спросил Каррадос, скрывая своего рода восхищение, которое он испытывал к новому знакомому.

– Ну, не знаю, насколько я там «разбирался», – признался мистер Чаттон. – Видите ли, теперь это все сэра Роланда уже совершенно не касается. Но я подумал, что должен предложить им любую информацию – вдруг понадобится описание или что-то в этом роде, – когда услышал об их потере. Разумеется, – добавил он, и его привычное выражение скорбного замешательства стало еще глубже, – мы тут ничем не можем помочь, но очень тяжело сознавать, что они потеряли столько денег из-за нашего дела.

– Ничуть, ничуть! – сердечно воскликнул мистер Карлайл. – Это все издержки бизнеса, и Гернард даже не почувствует такого удара. Очень благородно с вашей стороны взять на себя все эти хлопоты, вот что я скажу. – Он повернул свой сияющий, полный самоуверенности взгляд к хозяину дома, чтобы пояснить: – Я случайно встретил мистера Чаттона там сегодня утром, и с тех пор он помогает мне рассылать запросы в подходящие места и так далее. Уверен, что мы прижмем нашего парня через неделю-другую, если только это не работа какого-нибудь тайного библиомана, но в «Гернарде» в это не верят.

– Прощлую среду, говорите? – задумчиво произнес Каррадос. – Не поздновато ли они передали дело вам?

– Именно на это я и жаловался. А потом выяснилось, что они слепо доверились совету какого-то назойливого идиота, который случайно оказался на аукционе. Разумеется, из этого ничего не вышло.

– Они, случайно, не назвали имени этого идиота? – осторожно поинтересовался Макс.

– Нет. Старый джентльмен – мистер Инг – сказал, что уже успел однажды сесть в лужу из-за этого. – Мистер Карлайл от души рассмеялся, вспомнив этот инцидент. – Знаешь, в чем заключалась «гениальная» идея этого мудреца? Он навел их на след экземпляра той же книги, который недавно купил один торговец, решив, что это непременно должен быть украденный том. И книга действительно была недавно продана, Макс, вот только это случилось еще *до того*, как ту, другую, украли!

– Весьма забавно, – согласился Каррадос.

– Знаете, я не могу отделаться от мысли, что в этом была какая-то моя вина, – признался мистер Чаттон встревоженным голосом. – Вы ведь помните, я говорил вам...

– Нет-нет, – ободряюще возразил мистер Карлайл. – С чего бы это была ваша вина?

– Что ж, очень любезно с вашей стороны меня успокаивать, – продолжил молодой человек с облегчением, но все еще не до конца убежденный. – Но я действительно думаю, что мог внести путаницу. Я бы хотел, чтобы мистер Каррадос нас рассудил... Когда я узнал от сэра Роланда, что он намерен отправить эту «Вирджиниолу» Гернарду, я, зная ценность книги, счел необходимым тщательно сверить ее с другим экземпляром – это называется «коллированием», – чтобы выяснить, все ли на месте. В Британском музее своего экземпляра нет, да и в любом случае я не мог выкроить целый день, чтобы приехать ради этого в Лондон. Поэтому я написал нескольким торговцам, боюсь, создав у них впечатление, будто мы хотим купить книгу. Таким образом я добился того, что нужный мне том прислали «на пробу», и смог досконально изучить оба экземпляра. В тот момент я оправдывал себя тем, что долг перед работодателем позволяет пойти на такую хитрость, но не знаю, право, не знаю; я действительно сомневаюсь, было ли это вполне порядочно.

– О, ерунда, – возразил мистер Карлайл, которому были чужды подобные тонкости. – По-моему, весьма остроумный способ получить желаемое в данных обстоятельствах, как считаешь, Макс?

Каррадос отдал должное – охотно, хоть и двусмысленно – этой глубокой совестливости мистера Чаттона.

– В целом – очень изобретательно, – признал он.

Мистер Карлайл не «прижал» своего человека ни через неделю, ни через две; по правде говоря, он так до него и не добрался. Ключ к исчезновению «Вирджиниолы» нашелся лишь два года спустя. Однажды он был в «Турретс», когда хозяина дома на короткое время вызвали к человеку, пришедшему по делу.

Карлайл взял газету, но тут Каррадос вернулся от двери, открыл один из внутренних ящиков своего стола и вытащил длинный конверт.

– Вот, – заметил он, возвращаясь к делам, – это может заинтересовать вас больше.

Он был совершенно прав. Частный детектив вскрыл конверт, адресованный ему самому, и прочитал следующий рассказ.

В 1609 году моряк по фамилии Соммерс – сэр Джордж Соммерс – потерпел крушение на острове в Атлантике. Этот остров – один из целой группы – хотя и был лишен человеческого населения, так и кишел свиньями. В первое время своего вынужденного пребывания там моряки, потерпевшие крушение, были сильно напуганы неземными воплями и стонами, оглашавшими ночную тишину. С присущим тому времени простым благочестием звуки эти приписывались проискам ведьм, бесов и демонов. По сути, в дополнение к различным названиям – Вирджиниола, Бермуты, острова Соммерса и прочим – это место завлекательно именовали «Островом Дьяволов».

В положенный срок беглецы были спасены и вернулись в Англию. Также в положенный срок появилось множество печатных отчетов об их приключениях. (Мы склонны думать, Луи, что это веяние нашего времени, но это не так). Один из этих отчетов, попав в руки циничного драматурга средних лет, искавшего новый сюжет для заимствования, тут же был взят им в оборот. Несомненно, за призрачными «дьяволами» он разглядел вполне осязаемые очертания шумных «свиней». Как бы то ни было, идея оказалась подходящей для фона. Он написал пьесу и назвал ее «Буря». Таково предложенное мне объяснение высокой и постоянно растущей стоимости редких ранних трудов о Бермудах. Их можно отнести к разряду «Шекспирианы». Есть и еще одна причина: их можно отнести к разряду «Американы».

Примерно триста лет спустя некий молодой джентльмен, сочетавший в себе довольно дорогостоящие вкусы с неплохой коммерческой жилкой, унаследовал титул и все, что к нему прилагалось. Среди прочего ему достались поместье в Ратлендшире, которое он счел излишне обременительным, библиотека, к которой он не питал особого интереса, и личный секретарь, чьи услуги он решил сохранить. Однажды, спустя примерно полгода после вступления в права, сэр Роланд Чаргрейв вызвал секретаря, чтобы дать указания.

– Послушайте, Чаттон, – сказал он. – Я решил на время сдать этот дом с мебелью. Посоветуйтесь с Терви насчет стоимости, а затем дайте объявление, запросив чуть больше, чем он посоветует. Это должно принести приличный доход. Кроме того, здесь есть ценные вещи, которые мне совершенно ни к чему. Начну с библиотеки.

– Вы намерены распродать библиотеку, сэр Роланд? – пробормотал секретарь.

– Нет. Библиотека придает человеку определенный вес, а у Чаргрейвов она была всегда. Библиотеку я оставляю, но «прорежу» все это старье, за которое можно выручить хорошие деньги. Дядя Вернон оставил оценочную опись, составленную, судя по всему, лет десять назад. Только одну книгу – «Отчет о Вирджиниоле» – он оценил в триста фунтов. И есть еще с десятков других, которые в совокупности должны принести еще фунтов двести. Мне как раз сейчас нужно пятьсот фунтов. Вот список книг, которые я отобрал. Отправьте их Гернарду на продажу как можно скорее. Мое имя в каталоге не указывайте. Я не хочу, чтобы кто-то знал, что я что-то продаю. Это все.

Секретарь удалился, и его несчастный вид стал еще более подчеркнутым. Распродажа семейных реликвий была для него крайне прискорбна. Она оказалась также чрезвычайно неудобной лично для него, поскольку он сам уже продал «Вирджиниолу» всего неделю назад. У него ведь тоже имелись расходы. Возможно, он попал в руки ростовщиков; а может, всему виной стали женщины. В любом случае, как и сэру Роланду, ему требовались деньги, и, опять же как и сэру Роланду, «Вирджиниола» показалась ему самым подходящим средством их получения. Он потихоньку выкрал книгу примерно в то время, когда умер его прежний хозяин, тем самым избавив нового баронета от изрядной суммы налога на наследство. Он завладел оценочной описью сэра Вернона и спустя полгода пришел к выводу, что находится в безопасности. Он приложил невероятные усилия, чтобы скрыть свою личность при продаже книги, и тут – на тебе! – старый маразматик, оказывается, составил два списка и один из них припрятал в другом месте!

Будучи человеком мудрым, мистер Чаттон принялся раздумывать, как ему выпутаться из этой ситуации. Он заведовал библиотекой и понимал, что сообщать о пропаже книги уже слишком поздно. В любом случае его бы уволили; а если бы на этом этапе началось расследование, его бы отдали под суд. Из глубин своей беспросветной меланхолии мистер Чаттон извлек план.

Первым делом нужно было вернуть «Вирджиниолу» незадолго до аукциона. К тому времени он уже отправил список лотов, но еще не сами книги. Несомненно, у него на руках все еще оставалась часть незаконно нажитых средств. Старый сэр Вернон оценил «Вирджиниолу» в триста фунтов, но если на торгах обнаружится, что в ней не хватает важной детали, то за нее могут выручить лишь малую часть этой суммы. Имелось и еще одно соображение. На одной из первых страниц было несмываемыми чернилами вписано имя, и чтобы мистер Поуис не узнал свою собственность, эту страницу следовало на время удалить.

Я полагаю, Чаттон твердо намеревался по возможности выкупить книгу обратно и больше ею не рисковать. Чего он не учел, так это колоссального роста цен на подобные издания. То, что десять лет назад вполне справедливо стоило триста фунтов, рынок теперь оценивал почти вдвое дороже. Даже дефектный экземпляр почти достиг первоначальной оценки, и тем самым первая затея Чаттона провалилась.

Но этот мучительно добросовестный молодой человек не пожелал ставить все на одну карту. В чем заключалась его вторая затея – припоминать вам нет нужды. Он сделал ставку на аукционную неразбериху и преуспел. «Вирджиниола» вернулась к нему; изъятая страница была искусно вклеена на место, а нанесенные для пущей маскировки стираемые пометки – удалены. Мистер Поуис получил свою собственность обратно вместе с официальными извинениями.

Я предвижу гневный вопрос, готовый сорваться с ваших губ. Я не рассказывал вам этого раньше, Луи, из-за одного любопытного факта: вся эта история – плод моих догадок, поскольку неоспоримых улик у меня нет. Чаттон – весьма примечательный юноша – не оставил после себя ни единой зацепки, которая устояла бы перед судом присяжных. Лишь время и будущая карьера мистера Чаттона могут подтвердить мою правоту, но когда-нибудь, если представится случай (я доверяю это бумаге на случай, если его не представится), мы вместе разберем все косвенные доказательства. А пока «Гернارد», как вы и сказали, вполне может пережить этот убыток.

На этом машинописный отчет заканчивался, но внизу последней страницы Каррадос приклеил газетную вырезку. Из нее мистер Карлайл узнал, что «Вернон Ховард, он же Дигби Skeffington и прочая, прочая, чье настоящее имя, по слухам – Чаттон, выходец из хорошей семьи», на прошлой неделе был признан виновным в завладении ценными ювелирными изделиями путем обмана. Приговор был вынесен главным образом благодаря показаниям сообщницы. Оглашение наказания отложили до завершения дальнейшего расследования.

Исчезновение Мари Север

– Любопытно, мистер Каррадос, не привлечет ли ваше внимание история Мари Север?

Если бы глаза Каррадоса привыкли выражать эмоции, они бы, несомненно, блеснули, когда инспектор Бидел столь буднично завел разговор о школьнице из Суонстед-на-Темзе. Ее необъяснимое исчезновение две недели назад заполняло колонку за колонкой в каждой газете возбужденными догадками – до тех пор, пока полная невозможность поддерживать сенсацию без единого реального факта не низвела Мари Север до безвестности редких кратких заметок.

– Если этим делом занимаетесь вы, инспектор, я уверен, что оно меня заинтересует, – ободряюще произнес слепой джентльмен. – Значит, расследование все еще продолжается?

– Да, сэр, дело у меня в руках, но что касается «продолжения»... что ж, «продолжается» – пожалуй, сейчас не совсем подходящее слово.

– А, – прокомментировал Каррадос. – Насколько я помню, там почти не за что было зацепиться.

– Не припомню случая подобного рода, где зацепок было бы еще меньше, сэр. Судя по отсутствию следов, девочка словно растворилась в воздухе, и с того дня до сегодняшнего – за исключением того напечатанного сообщения, полученного ее матерью (вы помните его, мистер Каррадос?), – не появилось ни одной улики, на которую стоило бы тратить хотя бы подметки сапог⁴.

– Тем не менее, полагаю, различных намеков и версий вам поступало предостаточно?

Инспектор Бидел сделал жест, выражающий кроткое отчаяние. В нем читалось терпеливое раздражение добросовестного и многострадального человека.

– Я бы сказал, что это дело «выстрелило» на редкость громко, мистер Каррадос. Сомневаюсь, что за последние годы была более популярная сенсация такого рода. Поймите меня правильно: в подобных обстоятельствах я только за публичность – фотографии и описания могут помочь пролить свет на важные факты, – но порой тем из нас, кто выполняет работу на месте, приходится несладко. «Видели в Нортгемптоне», «заметили в Илинге», «слышали о ней в Западном Кройдоне», «девочка, подходящая под описание, замечена в зале ожидания на вокзале Чаринг-Кросс», «подозрительного вида мужчина с похожей девочкой замечен у доков Виктория в Халле», «видели и разговаривали с ней неподалеку от Чорли, Ланкашир», «заметили в роскошном автомобиле на Портсмутской дороге, где она, судя по всему, сопротивлялась», «полагают, что она посетила кинотеатр в Уотфорде» – каждое такое сообщение мы проверяли так же тщательно, как если бы верили, что это и есть та самая долгожданная зацепка.

– А вы, значит, не верили?

Инспектор огляделся. Он прекрасно знал, что в кабинете «Турретс» они одни, но это движение стало для него своего рода привычкой.

– Не побоюсь признаться вам, сэр: я всегда придерживался мнения, что отец девочки приехал в тот день и увез ее. Где она сейчас, жива она или мертва – утверждать не берусь, но я твердо убежден, что за всем этим стоит именно он. И более того, – добавил он с веской значительностью, – я на это надеюсь.

– Почему же? – осведомился Каррадос.

Бидел полез во внутренний карман пиджака, вытащил внушительный бумажник и среди его многочисленного содержимого выбрал кабинетный фотопортрет в защитном конверте из прозрачной глянцевой бумаги.

– Если бы вы могли разобрать хоть что-то из того, что изображено на этом снимке, вы бы лучше поняли, что я имею в виду, мистер Каррадос, – деликатно ответил он.

⁴ Тратить подметки – идиома, означающая бесполезную ходьбу или поиски.

Каррадос покачал головой, но все же протянул руку за фотографией.

– Боюсь, толку не будет, – признался он, прежде чем взять ее. – Снимок такого рода – одна из немногих вещей, которые совершенно не поддаются осязанию. Нет-нет, – он провел кончиками пальцев по бумаге, – инспектор, это лишь желатино-хлоридная поверхность математического единообразия, и ничего больше. Вот если бы это был негатив...

– Уверен, его можно будет раздобыть, если пожелаете, мистер Каррадос. Впрочем, полагаю, вы видели в газетах, как выглядит эта девочка. Ей десять лет, и она крупная – по крайней мере, высокая – для своего возраста. Данное фото – последнее, сделанное в этом году, и мне говорили, что она на нем как живая.

– Как бы вы его описали, инспектор?

– Я не большой мастер в таких делах, – сказал этот крупный мужчина с застенчивой неловкостью, – но это самый прелестный портрет из всех, что я видел. У нее очень прямая осанка, и в то же время в ней есть какая-то грация, как у молодого дикого зверька. Она снята в анфас и смотрит прямо на вас с выражением отчасти серьезным, отчасти забавным, и при всем этом – благородным и величественным, как у юной принцессы. У меня есть свои дети, мистер Каррадос, и, конечно, я нахожу их очень милыми и симпатичными, но это... это совсем другое дело. Волосы у нее выющиеся, но не отдельными локонами, в описании сказано – черные. Глаза темно-карие с прямыми бровями, цвет лица – этаким сияющим загар, зубы маленькие, ровные. Само собой, у нас есть полное описание того, во что она была одета, и так далее.

– Да-да, – безучастно поддакнул Каррадос. – Студия «Ван Браун», фотографы, верно? Стало быть, эти люди весьма состоятельны?

– О да, у них очень милый дом и прочное положение – у миссис Север, я имею в виду. Вы, должно быть, помните, что она развелась с мужем года четыре или пять назад. Я поднял подробности: по нынешним меркам дело было не самое скандальное, но дама проявила решительность, и в конце концов Север не стал защищаться. У нее имелось пятьсот или шестьсот фунтов годового дохода, а у него – ничего, кроме жалованья; тогда он бросил службу и с тех пор неуклонно катился вниз. Сейчас он почти на самой последней ступени и перебивается случайными заработками.

– Каковы улики против него?

– Ну, на полноценное обвинение это пока не тянет, потому что нет свидетельств того, что его видели с ребенком, как нет и ничего, что связывало бы его с девочкой после ее исчезновения. Тем не менее, это рабочая гипотеза. Будь это делом рук бродяги или маньяка, опыт подсказывает, что мы бы уже нашли ее – живой или мертвой. Миссис Север целиком за версию с мужем. Разумеется, по решению суда опека над Мари досталась ей. Север просил разрешения изредка видеться с дочерью, и поначалу служанка раз в месяц водила ребенка к нему на чай. Это было у него на квартире. Потом он стал просить о встречах в одном из парков или в галерее. Понимаете, сэр, тогда у него не осталось даже комнаты. В конце концов служанка доложила, что он стал настолько оборванным, что ей стыдно, когда ребенка видят с ним, – хотя она и добавила, что он всегда был трезв и очень добр к Мари, приносил ей какую-нибудь игрушку или что-то еще, даже когда казалось, что у него самого нет ни гроша за душой. После этого свидания прекратились вовсе.

А потом, около месяца назад, эти двое – муж и жена – случайно столкнулись на улице. Север сказал, что надеется вскоре поправить дела, и попросил возобновить встречи. Уж не знаю, чем бы это кончилось, но с миссис Север оказалась ее подруга, американка по имени мисс Джалп, которая теперь, кажется, живет у нее. И эта особа средних лет – судя по всему, та еще мегера, эта Корнелия Джалп – вклинилась в разговор и высказала все, что думает о его поведении; должно быть, Северу стоило большого труда сдерживать руки. В завершение миссис Север поддалась неудачному порыву прекратить спор, сунув мужу банкноту. По ее словам, она получила в ответ самый страшный взгляд, какой когда-либо видела. Затем Север очень

медленно разорвал банкноту, бросил клочки в решетку сточной канавы, рядом с которой они стояли, отряхнул пальцы платком, приподнял шляпу и ушел, не проронив ни слова. Это был последний раз, когда она его видела, но с тех пор она твердит, что боится какой-нибудь беды.

– И тут что-то случается, и виноват, само собой, должен быть Север? – предположил Каррадос.

– Должен признать, сэр, пока что все выглядит именно так, – согласился инспектор. – Впрочем, мнение миссис Север – это еще не полная картина. Отчет Севера о своих перемещениях в тот день – скажем, конкретно между половиной первого и четырьмя часами – неудовлетворителен. В последнее время он снимал жалкую комнатку неподалеку от Ред-Лайон-стрит. Он вышел в двенадцать и вернулся около пяти – этого он не отрицает. Говорит, что провел время, гуляя по улицам и в читальном зале на Холборне, но не может назвать никого, кто видел бы его в течение этих пяти часов. С другой стороны, носильщик на станции Суонстед опознал в нем пассажира, сошедшего там с поезда в 13:17 в тот самый день.

– Опознал по газетному снимку?

– Сначала да, мистер Каррадос. А после – лично.

– Они разговаривали, или это чисто визуальное впечатление?

– Только то, что он видел.

– Поразился, полагаю, тому примечательному факту, что на пассажире были шляпа и галстук – точь-в-точь как на фото? Или его заставило присмотреться нечто неувлечливо подозрительное в том, как пассажир отдавал билет? Возможно, все так и было, Бидел, признаю, но я глубоко не доверяю тому весу, который в наши дни придают этим случайным опознаниям в жизненно важных вопросах. Вы сами-то в этом уверены?

– Только как в подкрепляющем факте, сэр. Пока мы не найдем девочку или хоть какую-то зацепку, мы обязаны проверять все версии в надежде напасть на след. Что ж, а еще есть письмо, полученное миссис Север.

– Оно у вас с собой?

Инспектор снова взял бумажник, который еще не успел убрать в карман, и выудил другой конверт.

– Крайне необычная форма, – прокомментировал он, протягивая конверт мистеру Каррадосу и ожидая его мнения.

Слепой джентльмен провел кончиками пальцев по бумаге и сразу понял, в чем заключалось своеобразие. Строки были напечатаны, но не обычным способом: каждая буква находилась на отдельном маленьком квадратике бумаги. Было очевидно, что их вырезали из какого-то другого листа, а затем наклеили на конверт, чтобы составить адрес.

– «Лондон, почтовый округ Ист-Сентрал, 17:30, 15 мая», – прочитал Каррадос по почтовому штемпелю.

– День похищения. Из Суонстеда есть поезд, который прибывает на Ламбет-Бридж в 16:47, – заметил Бидел.

– А что делал ваш носильщик, когда этот поезд уходил?

– У него было свободное от службы время, сэр.

Каррадос вынул содержимое и прочитал его так же, как и надпись на конверте, но более вдумчиво прощупывая текст, так как шрифт был мельче. Тип печати и качество бумаги навели на мысль о газетном происхождении. В большинстве случаев отправителю удавалось найти целые слова.

«Не тревожьтесь, – гласило лоскутное послание. – Девочка в надежных руках. Единственный риск – в настойчивых поисках. Ждите, и она вернется невредимой».

– Вы установили газету?

– Да, все вырезано из «Таймс» от 13 мая. Текст на обороте слов подтверждает это абсолютно точно. Заранее спланировано, мистер Каррадос.

– На это указывает все происшествие. Дата газеты значит немного, но намеренный выбор слов, то, как тщательно они вырезаны и выровнены по линейке, в сочетании со временем исчезновения ребенка и временем отправки письма – да, инспектор, я думаю, вы можете исходить из того, что это преднамеренное преступление.

– Самые обычные почтовые принадлежности; немедленное возвращение в Лондон и метод человека, который использовал печатный шрифт, опасаясь, что под любой маскировкой его почерк могут узнать.

Каррадос кивнул.

– Разумеется, Север не может надеяться оставить ребенка у себя навсегда, – небрежно заметил он. – Какой же мотив вы усматриваете?

– Миссис Север убеждена, что все это затеяно из мести, чтобы заставить ее страдать.

– И это письмо призвано ее успокоить?

Инспектор закусил губу, улыбаясь этому меткому замечанию.

– Оно также могло иметь целью склонить ее к прекращению поисков, – предположил он.

– Во всяком случае, смею полагать, оно ее действительно успокоило?

– В определенном смысле – да. Оно позволило нам установить, что это не случайная вспышка похоти или поступок бродяги. Но есть и другая версия, которую мы, естественно, не стали ей озвучивать.

– И какая же?

– Очередное дело «Телби-Вуд», мистер Каррадос. Безумное увлечение того, кого заподозрят в последнюю очередь. Человек с хорошим положением, возможно, друг или сосед, который видит это прекрасное юное создание – школьную подругу своих дочерей или, скажем, прихожанку в церкви – и становится рабом своего большого воображения, готовым рискнуть всем ради этой одной всепоглощающей цели. Первобытный человек в наше время, можно сказать, или, что еще хуже, – сатир или горилла.

– Любопытно, – задумчиво заметил Каррадос, – не возникало ли и у вас когда-нибудь желания бросить все и уйти в монахи, инспектор? Или стать столпником на шесте?

Бидел тихо рассмеялся, а затем потер подбородок с тем же созерцательным видом.

– Кажется, я понимаю, что вы имеете в виду, сэр, – признал он. – Это черная страница. Но, – добавил он со здоровым философским спокойствием, – в конце концов, это лишь одна страница в довольно длинной книге. И будь я в монастыре, произошла бы еще парочка вещей, которым я помог не совершиться.

– Включая и проломленную мне голову, инспектор? Ваша правда. Мы должны принимать мир таким, какой он есть, а самих себя – такими, какие мы есть. И я бы очень хотел согласиться с вами по поводу Севера. Это было бы более приемлемой перспективой: злоба и месть – мотивы, по крайней мере, понятные и человеческие. К сожалению, единственная подсказка, которую я могу предложить, носит лишь косвенный характер. – Он указал на обрывки печатного текста на листе, представленном ему Биделом. – Этот фотоклей стоит около шести пенсов за баночку, в то время как обычный гуммиарабик можно купить всего за пенни.

– Что ж, сэр, – сказал Бидел, – я подумывал отдать его на экспертизу, но решил подождать, пока вы увидите письмо в его первоизданном виде. В конце концов, мне не показалось, что на этот момент можно всерьез полагаться.

– Совершенно верно, – подтвердил мистер Каррадос, – в этом нет ничего личного или определенного. Это может указывать на фотографа, любителя или профессионала, но было бы нелепо делать столь далеко идущие выводы лишь на основании данного факта. Даже Север мог бы... Тут сотни вариантов. Пока я бы не стал брать это в расчет.

– Больше из письма ничего не выжать?

– Возможно, что-то и есть, но пока оно слишком ускользает от понимания. Что с ним делали?

– Я получил его от миссис Север, и с тех пор оно все время находилось у меня.

– Вы не отдавали его химику для каких-либо целей?

– Нет, сэр. Я передал текст письма господам из газет, но, кроме меня, его никто в руках не держал.

– Очень хорошо. Теперь, если вы не против, оставьте его мне на несколько дней.

Инспектор Бидел выразил немедленную готовность и уже хотел было поблагодарить за помощь, но слепой джентльмен его прервал.

– Ни на что особо не рассчитывайте, инспектор, – предупредил он. – Боюсь, все сводится к игре случая. Одна капля удачи может принести нам победное очко, а может и нет. В любом случае нет причин, по которым я не мог бы заехать в Суонстед на днях, когда буду на прогулке. Если до того, как я дам о себе знать, всплывет что-то новое, лучше позвоните мне. Итак, где именно все это произошло?

Подлинные факты, окружавшие исчезновение Мари Север, и составляли истинную загадку этого дела. Арлинг-авеню в Суонстеде была одной из тех неспешных пригородных дорог, где невозможно вообразить какую-либо спешку – будь то доставка редкой телеграммы или работа местного строителя. То тут, то там вдоль нее в разное время были выстроены особняки, каждый из которых окружало не менее четверти акра садовой земли. Но даже самые современные из них теперь выглядели обжитыми, а пустующие участки между ними превратились из «перспективных площадок под застройку» в весьма недурные поля лютиков и маргариток. Благодаря этому Арлинг-авеню оставалась приятной и эксклюзивной улицей. Одна сторона дороги была вовсе не застроена, открывая вид на ровный луг, где в положенное время косили сено и паслись настоящие животные. Обитатели Арлинг-авеню никогда не упускали случая указать гостям на это неоспоримое свидетельство сельской идиллии. Оно даже фигурировало в проспекте «Хоумвуда» – дневной школы Арлинг-авеню для девочек и маленьких мальчиков, которую сестры Чибуэлл содержали с неизменным успехом и неприметностью, пока дело Север внезапно не выставило их под свет пугающей публичности.

Дом миссис Север, «Холлиз», стоял первым на этой дороге, если считать так, как было принято – то есть со стороны станции. Бидел взял чистый лист бумаги и, давая подробные пояснения, набросал жирными штрихами план окрестностей. Сразу за «Холлиз» шел «Арлинг-Лодж». После него следовал один из пустующих участков, прежде чем дорога доходила до следующего дома. Однако между «Лоджем» и этим участком имелся широкий травянистый проезд, не огороженный со стороны дороги; здесь карандаш инспектора подчеркнул самое значимое место, увенчав его зловещим крестиком примерно посередине. Изначально этот проезд, несомненно, намечался как ответвление другой дороги, но проект ни к чему не привел. Изредка стайка детей-исследователей с вымышленным оптимизмом юности копалась в его буйных и запутанных зарослях, делая вид, будто надеется найти там ежевику; время от времени проходящий мимо мастер по починке стульев или бродячий лудильщик присматривали это место для полуденной сиесты. Но единственным законным назначением проезда, казалось, был доступ к боковой калитке сада «Арлинг-Лодж». Инспектор пририсовал садовую калитку как бы вдогонку, в скобках заметив, что ею пользовались редко и всегда держали на замке. Затем он прочертил авеню вплоть до самой школы, обозначив все дома и прочие детали. Весь пройденный путь не превышал двухсот ярдов.

За несколько минут до двух часов пополудни в день своего исчезновения Мари Север, как обычно, отправилась в школу мисс Чибуэлл. С тех пор как произошла та злополучная встреча с бывшим мужем, миссис Север считала необходимым проявлять особую бдительность в отношении своего единственного ребенка. С того момента Мари никогда не выходила одна; точнее – никогда, за исключением этой короткой прогулки до школы и обратно, поскольку на такой тихой прямой улице, при полном дневном свете, сама мысль о какой-то опасности казалась абсурдной. Это было нелепо, но все же охваченная смутной тревогой женщина обычно

доходила с девочкой до садовой калитки и провожала ее взглядом до тех пор, пока уменьшившаяся фигурка, напоследок весело махнув рукой или ранцем, не скрывалась из виду в школьном дворе.

– Так должно было быть и в этот раз, – рассказывал Бидел, – но именно в тот момент, когда они подошли к калитке, подъехал торговец, с которым миссис Север хотела поговорить, и проследовал к черному ходу. Дама посмотрела вдоль авеню и – так уж вышло – именно в это мгновение мисс Чибуэлл стояла на дороге у своих ворот. Больше никого в поле зрения не было, так что не стоит удивляться тому, что миссис Север немедленно вернулась в дом, не испытывая ни тени беспокойства.

Это был последний раз, когда видели Мари. На самом деле мисс Чибуэлл вернулась к себе в сад почти в то же время, что и миссис Север. Когда девочка не явилась на дневные занятия, учительница не придавала этому значения. Она немного близорука, и хотя видела их обеих у калитки, то решила, что они собираются куда-то вместе. Как следствие, тревогу забили лишь в четыре часа, когда Мари не вернулась домой.

Связное повествование было не в характере инспектора Бидела. Он часто делал паузы, словно приглашая собеседника к перекрестному допросу. Иногда Каррадос игнорировал эти возможности, в других же случаях находил удобным подыграть.

– Выходит, кто-то поджидал в этом проезде сразу за «Арлинг-Лодж»? – вставил он замечание.

– Думаю, это разумное предположение, сэр. Мы оба признаем, что преступление было преднамеренным. Несомненно, похититель выжидал удобного случая, и вот он представился. Во всяком случае, здесь, – он постучал по крестику на бумаге, лежавшей под рукой Каррадоса, – здесь находится самый последний след, на который мы можем опираться.

– Вы имеете в виду запах?

– Да, мистер Каррадос. На следующее утро мы привезли одну из наших собак и пустили ее по следу. Мы дали ей понюхать ботинок, и от самой калитки она, не прерываясь, довела нас до места, отмеченного этим крестиком. Там след оборвался. Нет сомнений, что в этой точке девочку подхватили и понесли на руках. И это весьма примечательно. Вряд ли такое можно было проделать открыто на виду у домов. Заборы со всех сторон такие, что невозможно представить, как человек перетаскивает через них сопротивляющуюся или бесчувственную ношу, хотя бы раз не опустив ее на землю. Если верить нашей собаке, на землю ее не опускали. Остается какой-то транспорт. Но мы не нашли свежих следов колес, и, кажется, никто не видел в то время ничего подходящего.

– Вы твердо решили меня запутать, инспектор, – улыбнулся Каррадос.

– Я и сам в замешательстве, сэр, – отозвался детектив.

– И я слишком хорошо вас знаю, чтобы спрашивать, сделали ли вы то или это...

– Я сделал все возможное, – скромно признал Бидел.

– Просматривается ли это место «Х» из какого-нибудь дома? Вот «Арлинг-Лодж»... Там есть одно окно, выходящее на эту сторону, но сейчас деревья слишком густо зазеленели, чтобы можно было что-то разглядеть. К тому же это всего лишь окно в коридоре. Доктор Эллерсли сам водил меня туда, чтобы прояснить этот момент.

– Эллерсли? Доктор Эллерсли?

– Джентльмен, который там живет. Точнее, он живет там не постоянно: насколько я понимаю, он использует этот дом как дачу на выходные. Увлекается лодочными прогулками, сэр. Его основная практика в городе.

– На Харли-стрит? Прескотт Эллерсли, вы не знаете?

– Он самый, мистер Каррадос.

– О, весьма известный человек. У него блестящая репутация хирурга, специализирующегося на перитоните. Никак не меньше пятидесяти гиней за раз, инспектор. – Возможно,

гонорар не слишком впечатлил мистера Каррадоса, но он, несомненно, рассудил, что это заинтересует инспектора Бидела. – А этот дом на другой стороне – «Линкот»?

– Там живет отставной полковник индийской армии по фамилии Дойдж.

– Я имею в виду – просматривается ли оттуда то самое место?

– Нет, оно полностью отрезано. Оттуда ничего не видно.

Чувствительный палец Каррадоса, вновь изучавший план, легко замер на одной из деталей. Карандаш инспектора к этому времени уже добавил пунктирную линию, ведущую от ворот «Холлиз» к крестнику.

– Путь, по которому прошла собака, – пояснил Бидел, следя за движением собеседника. – Заметьте, девочка резко свернула с авеню в этот проезд под прямым углом.

– Я как раз над этим размышлял.

– Что-то внезапно привлекло ее внимание или кто-то ее позвал... Интересно, что именно, мистер Каррадос.

– Интересно, – эхом отозвался слепец, снова поднося анонимное письмо к лицу.

* * *

Мистер Каррадос часто заявлял, что черпает вдохновение в свете и блеске окружающего мира, к которым его физические чувства были мертвы. Однако когда он желал приступить к работе, поставив всех остальных в заведомо невыгодное положение, он, что вполне естественно, выбирал темноту. Поэтому была ночь, когда, верный своему обещанию Биделу, он поехал кружным путем через Суонстед. Точнее говоря, уже наступило утро: часы на квадратной, поросшей плющом башне приходской церкви пробили два, когда автомобиль, подпрыгивая на ухабах, переехал через горбатый мост из Мидлсекса в Суррей.

– Достаточно, Харрис, ждите здесь, – сказал Каррадос чуть позже. Он знал, что над головой шумят деревья, а по обе стороны дороги раскинулись широкие открытые пространства. Станция была совсем рядом, а от нее до Арлинг-авеню – рукой подать. Даже в такой час улица могла проснуться от вторжения чужого автомобиля столь внушительных размеров. Покладистый Харрис выбрал самый плотный плед мистера Каррадоса и уснул, видя во сне придорожную велосипедную мастерскую с чайной, где он мог бы посвятить себя разведению породистых виандотов. Сопровождаемый Паркинсоном, Каррадос медленно пошел к Арлинг-авеню. То, чего не доставало на плане Бидела, восполняли глаза Паркинсона; на более тонком же уровне – в этой влажной, теплой ночи, полной тихих звуков и запахов земли – другие детали проступали перед внутренним взором слепца, словно наброски художника-молниеносца⁵.

Они один раз прошли авеню из конца в конец и вернулись к травянистому проезду, где испарился последний след Мари Север.

– Я останусь здесь. Вы возвращайтесь к шоссе и ждите меня. Возможно, я задержусь. Если вы мне понадобится, я свистну.

– Слушаюсь, сэр. – Паркинсон давно знал: бывают моменты, когда хозяин не терпит наблюдения посторонних глаз за своей работой. Обладая величественным спокойствием, этот человек был лишен и капли любопытства. Ему даже не пришло в голову задаваться вопросами. Но почти полчаса более любознательные ночные твари взирали – сверху или снизу, в силу своей природы – на странные позы и тихое упорство нарушителя покоя, который то и дело пересекал их маленькие владения, изучал границы и обследовал каждый уголок миниатюрных зарослей. Единственный лепесток, подобранный у запертой садовой калитки «Арлинг-Лодж», казался скудной наградой за такое долготерпение. Но следует полагать, что прилежные поиски не были напрасными: едва сделав эту находку, Каррадос покинул проезд и с той невозмути-

⁵ Художник, делающий мгновенные шаржи или наброски.

мой дерзостью, что отличала его методы, открыл калитку сада доктора Эллерсли, медленно, но безошибочно продвигаясь вдоль стены, разделяющей участка.

– Слепец, – ответил он однажды на нервное замечание мистера Карлайла, – несет на своем лице достаточное оправдание для любой бестактности.

Было почти три часа ночи, когда в свете уличного фонаря на углу авеню и шоссе Паркинсон увидел приближающегося хозяина. Но, к разочарованию терпеливого и превосходного слуги, Каррадос в этот момент развернулся и в той же неспешной манере проследовал обратно. На самом деле слепцу пришла в голову новая мысль, и он продолжал мерить шагами тротуар, обдумывая ее.

– О, сэр!

Он тут же остановился, не выказав удивления и не вздрогнув, как это случается почти с каждым, к кому внезапно обращаются в темноте. Для него всегда было темно, но бывало ли что-то внезапным? Действительно ли он не знал о неясной фигуре, возникшей у калитки во время его прогулки?

– Я видела, как вы ходите здесь взад-вперед в такой час, и подумала... я подумала, нет ли у вас каких-нибудь новостей.

– Кто вы? – спросил он.

– Я миссис Север. Моя маленькая Мари исчезла отсюда две недели назад. Вы наверняка об этом знаете; все знают.

– Да, я знаю, – признал он. – Мне рассказал инспектор Бидел.

– О, инспектор Бидел! – В ее голосе послышалось явное разочарование. – Он очень добр и обещает... но ничего не меняется, а дни идут, дни идут, – трагически повторила она.

– Ида! Ида! – позвал кто-то из верхнего окна, но Каррадос тоже заговорил, и миссис Север лишь махнула рукой в сторону дома, не оборачиваясь.

– Ваша дочка очень любила цветы?

– О да, очень. – Приятное воспоминание на миг затмило горе бедной женщины, и она заметно оживилась. – Она их обожала. Бывало, зароется лицом в букет и упивается их ароматом. Она почти все время проводила в саду. Цветы значили для нее больше, чем игрушки или куклы, я уверена. Но как вы узнали?

– Я только догадался.

– Ида! Ида! – снова раздался довольно настойчивый, гнусаво-ворчливый голос, и на этот раз миссис Север ответила.

– Да, дорогая, сейчас, – крикнула она в ответ, все же медля в надежде разузнать, стоит ли ей ждать чего-то от этого странного ночного гостя.

– Мари в последнее время не болела? – Каррадос удержал ее этим вопросом.

– Болела? О нет! – Ответ последовал мгновенно и решительно. Он прозвучал почти обиженно – если только можно представить, что материнская гордость за здоровье ребенка способна зайти так далеко.

– Ничего такого, что потребовало бы помощи врача?

– Мари никогда не требуется помощь врача. – Тон, холодный и натянутый, ясно давал понять: миссис Север больше ничего не ждет от этого собеседника. – Моя дочь, к счастью, и знать не знает, что такое болезни, – раздельно добавила она.

– Ида! О, вот ты где. – Весьма неромантично облаченная фигура женщины средних лет с пронизательным лицом, тяжело шлепавшая в домашних туфлях по садовой дорожке, положила конец этой сцене.

– Как же ты меня напугала, дорогая! И кто это тут...

– Доброй ночи, – сказала миссис Север, отходя от калитки.

Каррадос приподнял шляпу и возобновил свою прерванную прогулку. Он не искал этой встречи и не пытался ее затянуть, понимая, что из этого источника больше ничего не почерпнуть.

– Странная вспышка материнской гордости, – заметил он в своей обычной отстраненной манере, когда вернулся к Паркинсону.

Около пяти часов того же дня – имеется в виду, пяти часов вечера – инспектора Бидела вызвали к телефону.

– О, пока ничего нового, мистер Каррадос, – доложил он, узнав звонившего. – Я обязательно дам вам знать, как только...

– А мне кажется, новости все-таки есть, – ответил мистер Каррадос. – Или, по крайней мере, появятся, если вы отправитесь в «Арлинг-Лодж» и настоитесь на встрече с ребенком, который ночевал там вчера.

– «Арлинг-Лодж»? У доктора Эллерсли? Вы же не хотите сказать, сэр...

– В этом вам предстоит убедиться самому. Доктор Эллерсли – вдовец, и детей у него нет. Мари Север усыпили фронолалом, нанесенным на цветы, которые ей дали. Фронолал – это новый анестетик, практически неизвестный за пределами медицинских кругов. Девочку отнесли в сад «Арлинг-Лодж», а затем в дом. Букет цветов на время бросили у стены – вероятно, пока запирали калитку. Волосок девочки зацепился за ветку малины в шести ярдах от черного хода, на ведущей к нему дорожке. Эллерсли заранее отослал двух человек, присматривавших за домом – экономку и ее мужа-садовника. Кстати, то письмо пахло фронолалом. Теперь вы знаете все, что знаю я, инспектор, и, бог даст, на этом моя роль закончена.

– Но, боже правый, мистер Каррадос, это же просто ужасно! – запротестовал Бидел, не сдержав эмоций, несмотря на свой богатый опыт общения с сомнительными личностями. – Человек его положения! Он что, маньяк?

– Не знаю. Скажу вам честно, инспектор: я не продвинулся ни на дюйм дальше того, что был вынужден выяснить для уверенности. Пользуйтесь этой информацией как хотите, но я больше не желаю иметь с этим делом ничего общего. Не самое приятное занятие – низвергнуть такого человека, как Эллерсли. Говорят, в операционной он бездушная, требовательная машина, но он делал великое дело – каждый день спасал полезные жизни. Меня тошнит от всего этого, Бидел, вот и все.

– Я понимаю, сэр. И все же, есть ведь и другая сторона, не так ли? Разумеется, я не стану упоминать ваше имя, как вы и просили, но тогда мне достанется уйма похвал, которых я не заслуживаю. Знаете, если несколько недель ничего не предпринимать, газеты рассыпаются в комплиментах, когда ты наконец что-то делаешь.

– Боюсь, вам придется с этим смириться, – сухо ответил Каррадос.

В трубке раздался согласный смешок и слова благодарности. Затем:

– Что ж, я получу необходимые полномочия и немедленно отправлюсь туда, сэр.

– Да. До свидания, – сказал Каррадос.

Он повесил трубку с единственным чувством удовлетворения, которое испытал с тех пор, как вышел на Эллерсли, – удовлетворением от того, что покончил с этим делом. Само по себе оно стало достаточно неприятным, а отвращения добавляло и то, что из-за пары случаев в прошлом Каррадос питал искреннее уважение к этому хирургу, которого иные называли грубым, но чью блестящую эффективность признавали все. Слепцу было бы куда приятнее оправдать его, чем изобличить. Он обратился к лотку с сицилийскими монетами периода автономии, чтобы «смыть этот вкус во рту», и поклялся, что не прочтет ни единого слова о ходе дальнейшего процесса.

* * *

– К вам некий мистер Север, сэр.

Так случилось, что спустя примерно час после того, как Макс Каррадос окончательно отложил всякий интерес к этому делу, он снова оказался втянут в его хитросплетения. Будь Север просто состоятельным просителем, возможно... но в слепце было достаточно духа бродяжничества, чтобы обеспечить его симпатию к тому, кто, как он знал, напротив, находился в крайне стесненных обстоятельствах. В мгновенной вспышке воображения он увидел этого изгоя, идущего пешком от Ред-Лайон-стрит до Ричмонда и, получив отказ в приеме, обратно из Ричмонда на Ред-Лайон-стрит – и все потому, что у него не было лишних шести пенсов, у человека, который всегда покупал маленькую игрушку...

– Уже почти семь, не так ли, Паркинсон? Мистер Север останется у меня пообедать, – это были едва ли не первые слова, которые услышал гость.

– Слушаюсь, сэр.

– Я? Обедать? – быстро вмешался Север. – Нет-нет. Я правда...

– Если вы будете так добры составить мне компанию, – произнес Каррадос с вежливой твердостью. Паркинсон удалился, зная, что вопрос решен. – Я совсем один, мистер Север, и мой эгоизм принимает такую форму. Если человек заходит ко мне во время завтрака, он должен остаться на завтрак, во время ленча – на ленч, и так далее.

– Ваши друзья – несомненно, – заметил Север со скрытой горечью.

– Что ж, я склонен называть другом любого, кто хоть на час рассеет мою тьму. Вы бы и сами так поступили в подобных обстоятельствах, поверьте.

И затем, совершенно неосознанно, под влиянием такого обращения, годы деградации словно сползли с Севера, и он поймал себя на том, что принимает приглашение обычными светскими фразами и беседует с хозяином дома так, будто они – два человека одного круга в старые добрые времена. Догадываясь, что именно привело гостя, и зная, что теперь это не имеет почти никакого значения, Каррадос уводил разговор в сторону от темы исчезновения, пока после обеда они не остались наедине. Тогда Север, не желая больше медлить, перешел к делу с прямолинейным вопросом:

– Скотленд-Ярд консультировался с вами по поводу Мари, мистер Каррадос?

– Неужели об этом уже пишут в газетах?

– Не знаю, – ответил Север, – но пресса для меня не авторитет. Среди людей, с которыми мне чаще всего приходится иметь дело, циркулирует немало проникательных слухов, которые никогда не попадают в печать. Иногда это, конечно, пустые домыслы, но довольно часто они имеют под собой почву. Сейчас в местах, где я обычно бываю, я стал своего рода знаменитостью – в городе я, к слову, зовусь «Джонсом», но моя личность раскрылась – и все, что касается пресловутого «дела Севера», доходит до меня. Я слышал, что инспектор Бидел, ведущий это дело, только что был у вас. Из этого сделали вывод о вашем сотрудничестве.

– И если это так? – осведомился Каррадос.

– Если так, – продолжил гость, – то мне есть что сказать. Бидел вбил себе в свою тупую, лишенную воображения башку, что похитителем должен быть я, потому что, согласно его шаблонным представлениям о «мотивах», он не смог найти никого другого. На самом же деле, мистер Каррадос, я слишком люблю свою дочурку, чтобы забирать ее из уютного дома. У моей несчастной жены могут быть свои недостатки – я не против признать, что они у нее есть, и серьезные, и во множестве, – но она, по крайней мере, обеспечила бы Мари достойную обстановку. Когда я узнал об исчезновении ребенка – это было в ранних вечерних выпусках газет на следующее утро, – я был вне себя. С выходом каждого нового тиража я с ужасом ждал заголовков о том, что тело найдено, и читал в воображении обычные жуткие подробности безумного

или зверского надругательства. Я обыскал карманы и нашел шиллинг и несколько медяков. Не имея четкого представления о том, что собираюсь делать, я помчался на вокзал и потратил деньги на билет в один конец до Суонстеда в третьем классе.

– О, – вставил Каррадос, – вы приехали поездом в 13:17?

Север презрительно рассмеялся.

– Вы имеете в виду станционного носильщика? – сказал он. – Ну да; этот смысленный малый просто перенес свои воспоминания на сутки назад, когда через несколько дней смекнул, что на этом можно подзаработать. О, я вполне допускаю, что он и сам в это поверил. Что же до меня, то еще не доехав до Суонстеда, я осознал свою ошибку. Что я мог сделать в любом случае? Ничего из того, что самый никчемный местный бобби не сделал бы куда лучше. И меньше всего мне хотелось встретиться с Идой – миссис Север. Нет, я вышел со станции, повернул направо вместо того, чтобы пойти налево, и поплелся обратно в город.

– И вы пришли теперь, спустя две недели или даже больше, чтобы рассказать мне это, мистер Север?

– Видите ли, на Бидела у меня осталось мало надежд. Поначалу мне было плевать, что они там думают, – я каждый час ожидал услышать самое худшее. Но, возможно, худшего не случилось. Прошло две недели, ничего не нашли, а значит, девочка может быть где-то жива. Если вы беретесь за это дело, шанс есть – при условии, что вы не позволите им навязать вам мысль, будто я имею к этому какое-то отношение.

– Я и не думаю, что вы имеете к этому отношение, мистер Север, и верю, что Мари все еще жива.

– Слава Богу, – с внезапной силой произнес Север. – Я очень, очень рад слышать от вас такое мнение, мистер Каррадос. Не думаю, что в будущем мне часто доведется видеть дочь или что ее научат всерьез чтить Пятую заповедь. И все же само это известие приносит такое облегчение, что я навсегда останусь вашим должником... Как бы я ни тревожился, мне довольно и этого. Я не стану донимать вас расспросами о ваших уликах или идеях... но скажу вам одну вещь. Возможно, она вас позабавит. Моя догадка о том, что могло произойти, возникшая несколько дней назад...

– Да? – подбодрил его хозяин.

– Это лишь показывает, какие безумные мысли лезут в голову в подобных обстоятельствах. Моя бывшая жена – если позволите так выразиться – самое доброе и преданное существо на свете. С учетом этого я охотно признаю: более самоуверенной, легковверной, догматически упрямой и одержимой всякими причудами женщины не сыскать. Нет такой глупой моды, которую она бы не подхватила – и, что еще трагичнее, в которую бы абсолютно не уверовала на какое-то время: от озонированного молока до ритмичного зевания. Некоторое время назад ее занесло в «Христианскую науку». Мерзкая гарпия по фамилии Джалп – профессиональная «целительница» – вцепилась в нее и с тех пор полностью подчинила себе. Так вот, каким бы фантастичным это ни казалось сейчас, я был готов поверить, что Мари заболела и во время их совершенно искреннего, но нелепого «исцеления» умерла. А затем, чтобы скрыть крах своего учения или подавившись панике...

Тут Каррадос прервал его – бестактность, которую он совершал крайне редко.

– Да-да, я понимаю, – быстро сказал он. – Но ваша дочь ведь никогда не болеет?

– Никогда не болеет? Мари? О, еще как болеет! За последние полгода я...

– Но миссис Север недвусмысленно заявила – это ее слова, – что Мари «и знать не знает, что такое болезни».

– Это их жаргон. Они утверждают, что болезни не существует, а значит, у них нет значения. Но в целом я бы назвал Мари болезненным ребенком – приступы желтухи и все в таком духе.

– «Христианская наука»... проблемы с желудком... Прескотт Эллерсли? Боже правый! Вот к чему приводит недоделанная работа, – пробормотал Каррадос.

– Надеюсь, ничего плохого? – рискнул спросить гость.

– Ждите.

Север гадал, какого черта дело принимает такой оборот, но, не имея иного выбора, остался ждать. Кофе, куда более ароматный, чем тот, что подавали в ночном ларьке, и толстые египетские сигареты с тонким запахом почему-то не помогали времени идти быстрее. Тем не менее отсутствие Каррадоса продлилось не более пяти минут.

– Ничего плохого, лишь досадная оплошность, – заметил он, вернувшись. – Я не успел перехватить Бидела, так что нам придется попытаться исправить положение с другого конца, если удастся. Мне нужно попросить вас поехать со мной. Я заказал машину и смогу рассказать о положении дел по дороге.

– Буду рад, если окажусь полезен, – сказал Север.

– Надеюсь на это. А что касается того, не случилось ли чего плохого, – добавил Каррадос с расстановкой, – то, полагаю, в отношении Мари мы обнаружим, что единственная вещь, необходимая для ее будущего благополучия, уже совершена.

– Это все, о чем я прошу, – сказал Север.

– Но это далеко не все, о чем прошу я! – почти резко возразил слепец.

На этот раз в визите на Арлинг-авеню не было ничего тайного. Напротив, скорость, с которой они неслись, вынуждала водителя почти непрерывно сигналить, предупреждая о своем приближении. Если это и была гонка, то они имели удовольствие выйти из нее победителями.

Манеры горничной, открывшей дверь «Арлинг-Лодж», – больше напоминавшие повадки обученной сиделки, чем домашней прислуги, – дали Каррадосу ясно понять (помимо прочих признаков), что катастрофа в лице прибывающего Бидела еще не разразилась. Когда девушка у двери начала добросовестно, но с явной неопытностью увиливать от правды, визитер просто принял ее слова на веру и набросал несколько строк на своей визитке.

– Когда доктор Эллерсли вернется, передайте ему это немедленно, – сказал он. – Я подожду.

Следует полагать, что возвращение великого специалиста было на редкость своевременным, ибо Каррадос едва успел сесть, как в комнату поспешно вошел Прескотт Эллерсли с визитной карточкой в руке.

– Мистер Каррадос? – спросил он. – Не могли бы вы объяснить эту весьма необычно сформулированную просьбу о встрече?

– Разумеется, – ответил Каррадос. – Выбор слов продиктован необходимостью немедленно завладеть вашим вниманием. Сама же встреча – результат моего желания быть вам полезным.

– Благодарю, – отозвался Эллерсли с подчеркнуто нейтральной вежливостью. – И каков же повод?

– Поводом послужил предстоящий визит инспектора Бидела из Скотленд-Ярда. На этот раз он намерен не в окно вашей лестничной площадки заглядывать, а потребовать выдачи пропавшей Мари Север. И если вы заявите, что ничего о ней не знаете, он воспользуется полномочиями на обыск вашего дома.

– О, – ответил доктор с поразительным самообладанием. – И если ситуация будет развиваться по столь четко указанному вами сценарию, как именно вы намерены мне помочь?

– Это в некоторой степени зависит от вашего объяснения обстоятельств.

– Неужели между мистером Каррадосом и Скотленд-Ярдом осталось что-то, что еще требует объяснений?

– Мистер Каррадос может говорить только за себя, – ответил слепец с невозмутимым добродушием. – И в его случае объяснения требуют сразу несколько вещей. Времени до прибытия инспектора, вероятно, совсем немного, но его может хватить, если вы расположены...

– Что ж, хорошо, – согласился Эллерсли. – Вы совершенно правы, полагая, что Мари Север находится в этом доме. Я приказал привезти ее сюда... из мести, чтобы исправить старую и очень тяжкую несправедливость. Возможно, вы об этом догадались?

– Не совсем в таких выражениях, – мягко заметил Каррадос.

– И тем не менее это так. Десять лет назад прелестный и бесценный ребенок, моя единственная дочь, была бессмысленно доведена до смерти невежественной и легковверной женщиной, на попечении которой она находилась, – в соответствии с догматами ее веры. Это называется «Христианская наука». Мне представилась возможность, и сегодня я признаю себя виновным в том, что нарушил все общественные и правовые нормы, вырвав Мари Север из рук точно такой же судьбы.

Каррадос серьезно кивнул.

– Да, – подтвердил он. – Именно это я и упустил.

– Всякий раз, когда я бывал здесь, я видел ее по пути в школу, – задумчиво продолжал доктор, – и вскоре стал поджидать ее появления, выучив часы, когда она должна проходить мимо. Она была самым жизнерадостным и ярким существом на свете, светящимся и трепещущим от неудержимой радости жизни – маленькое создание, полное удивительного изящества, хрупкости и обаяния. Познакомившись с ней поближе, я обнаружил в ее манерах то благородство, которое ошибочно принято приписывать лишь детям великих и богатых – истинное юное величие. Во многом она постоянно напоминала мне мою собственную утраченную дочь, в чем-то другом – притягивала своей непохожестью. Вот какова была природа моего интереса к Мари Север.

– Я не знаком с семьей Север и никогда не разговаривал с матерью девочки, продолжил доктор. – Насколько я знаю, она живет здесь всего около года, да и в любом случае общественная жизнь Суонстеда меня совершенно не заботит. Однако несколько месяцев назад моя почтенная экономка свела знакомство с одной из служанок миссис Север – степенной женщиной средних лет, которая пришла в ту семью как няня Мари. Дружба, завязавшаяся в глубине наших садов – а они граничат друг с другом, – дошла до того, что эти две дамы стали изредка заходить друг к другу на чай. Моя миссис Гласс – болтливая старушка. Раньше мне частенько стоило большого труда заставить ее замолчать, теперь же я позволял ей говорить и ловко направлял беседу в нужное русло. Так я узнал, что мои соседи – приверженцы «Христианской науки» и что у них живет так называемая «целительница». Это известие поразило меня внезапным ужасом.

«Полагаю, они никогда не болеют?» – небрежно поинтересовался я.

Миссис Север не знала болезней с тех пор, как приняла это учение, а мисс Джалп описывали – фразой, явно ею самой и придуманной – как женщину «состоящую из одного лишь здоровья». Слугам позволялось видеться с врачом, если они того желали, хотя на них оказывали сильное давление, требуя покончить с подобным «плутовством» ради избавления от простой «иллюзии».

«А разве там нет ребенка?» – спросил я.

Оказалось, что Мари время от времени страдала от «иллюзии», будто чувствует себя неважно – то есть испытывала боль. Под духовным воздействием мисс Джалп эта «галлюцинация» рассеивалась. Миссис Гласс рассмеялась, сделала очень многозначительный вид и выдала свою подругу, смакуя шутку. Верная няня внешне смирилась с ситуацией, но как только хозяйка отворачивалась, лечила Мари согласно своим собственным незамысловатым представлениям. Благодаря этому двойному влиянию девочка каждый раз поправлялась, но обе женщины со зловещим предчувствием гадали: что же будет, если она заболит «по-настоящему».

Я выведаль у экономки подробности этих недугов – их симптомы, частоту и прочее. Для доброй старушки и няни это оказалось благодатной темой, и лучшего источника информации мне было не найти. Из ее болтовни я узнал очень многое. И это меня не успокоило.

– С того времени, не выдавая своей заинтересованности, я стал искать более удобные возможности видеть ребенка. Я надоумил миссис Гласс предложить няне, чтобы малышка Мари приходила играть в наш сад – это большое и запущенное место, именно такое, где ребенку-исследователю понравится бродить. К тому же я обнаружил, что она страстно любит цветы, растения, птиц и мелких зверушек. Я раздобыл пару ручных белок и выпустил их в саду. Вы можете представить ее восторг, когда она их нашла! Я выходил к ней с орехами, чтобы она могла покормить их, и мы сразу подружились. Все это время я осматривал ее без ее ведома. Не думаю, что ей хоть раз пришло в голову, что я могу быть врачом. Результаты практически подтвердили растущее подозрение, на которое указывало все услышанное мною ранее. И трагическая ирония ситуации заключалась в том, что именно от аппендицита погибла моя дочь – моя собственная дочь!

– О, так это был аппендицит?

– Да. Это был аппендицит того коварного и обманчивого типа, которому особенно подвержены дети. Эти внешне незначительные приступы с интервалом в несколько недель на самом деле были воспалением аппендикса, и состояние неизбежно переходило в стадию общего гнойного перитонита. Очень скоро должна была возникнуть новая «иллюзия», по мнению матери и мисс Джалп, или очередной «приступ желчи», по мнению няни – похожий на те, что уже случались, но более стойкий. Приверженцы «Христианской науки» стали бы бороться с ним доводами, Ханна – тайком пичкать лекарствами. Однако на сей раз болезнь бы не отступила. При этом по-прежнему не было бы по-настоящему тревожных симптомов, способных всколыхнуть материнские чувства, ничего достаточно серьезного, чтобы заставить няню взбунтоваться. Пульс, частивший до 140 ударов, – это последнее, на что они обратили бы внимание.

– А дальше? – Эллерсли мерил комнату шагами в яростном негодовании, но перед мысленным взором Каррадоса постоянно стоял предстоящий визит Бидела.

– Дальше она бы умерла. Совершенно внезапно и буднично эта прекрасная юная жизнь, которую я за десять минут мог бы навсегда обезопасить от этой угрозы, просто угасла бы – погасла бы, чтобы доказать, что аппендицита не существует, а «Разум есть Все во Всем». Если мой диагноз был верен, не было бы ни шанса на спасение, ни внезапного осознания истинного положения дел, которое дало бы матери возможность одуматься. Это было бы неизбежно, но совершенно неожиданно. Что бы вы предложили мне делать в этой критической ситуации, мистер Каррадос? Я уже имел дело с этими фанатиками прежде и знал: если я решусь на такой необычный шаг и пойду к миссис Север, то в лучшем случае встречу вежливое недоверие и цитату из бессмертного труда миссис Мэри Бейкер Эдди. Но сделав это, я превратил бы любой другой план действий в рискованную, если не невыполнимую затею. Вы, я полагаю, человек гуманный. Что же мне оставалось делать?

– То, что вы сделали, – сказал его гость, – пожалуй, самое опасное дело, в которое только может впутаться врач.

– О, нет, – возразил Эллерсли. – Он делает куда более опасные вещи каждый раз, когда оперирует зараженного пациента или входит в дом, охваченный лихорадкой. Опасно для карьеры и репутации, скажете вы? Но поверьте мне, мистер Каррадос, жизнь ничуть не менее важна, чем средства к существованию, и каждый врач идет на подобный риск ежедневно. Что ж, как и многие самые обычные люди, которых вы встречаете, я немного маньяк и немного мистик. Как ни невероятно это наверняка покажется миру завтра, я осознал: даже ценой своей профессиональной карьеры, даже под угрозой уголовного приговора, самым важным поступком в моей жизни станет спасение этой единственной прекрасной юной жизни. В других местах

меня могли бы заменить другие, не менее достойные люди, но здесь был только я, и никто больше.

– Итак, вы это сделали? – подбодрил его Каррадос. – Должен напомнить, что время поджимает, и я хочу знать факты.

– Да, я сделал это. Не буду задерживаться на том, какие меры предосторожности я принял, чтобы забрать ребенка, или на плане, который разработал для ее возвращения. Я верил, что у меня есть отличный шанс остаться нераскрытым, и полагаю, должен благодарить именно вас за то, что этого не случилось. Мари не имеет ни малейшего представления о том, где находится, а когда вхожу в ее комнату, я достаточно замаскирован. Она думает, что с ней произошел несчастный случай.

– Разумеется, вам кто-то помогал?

– Мне преданно помогали ассистент и две медсестры, но вся ответственность лежит на мне. Чтобы не впутывать миссис Гласс и ее мужа, я отправил их в отпуск. Это было уже после того, как я решился на операцию. Чтобы оправдать то, что я собирался совершить, нельзя было допустить ни малейшей ошибки в оценке необходимости вмешательства. И я устроил решающую проверку.

Меньше трех недель назад я увидел, как Ханна и девочка днем подошли к дому. Вскоре после этого миссис Гласс постучала ко мне. Она спросила, может ли пригласить Ханну на чай, и, поскольку миссис Север с подругой собирались отсутствовать допоздна, не могла бы и мисс Мари остаться у нас? Моей экономке вовсе не обязательно было спрашивать разрешения, но у нее весьма старомодные представления о долге. Конечно, я охотно согласился, но предложил, чтобы Мари попила чаю со мной; так и решили.

Перед чаем она забавлялась в саду. Я попросил ее собрать для меня букет цветов, и когда она вошла с ними, заметил, что она оцарапала руку шипом. Я поспешил закончить с едой, так как к тому моменту уже определился с планом действий. Когда мы закончили, я, не звоня в колокольчик для вызова слуг, усадил ее в кресло перед камином и сел напротив. Я обещал ей правдивую историю про одного смышленного гуся.

– Но ты засыпаешь, Мари, – сказал я, пристально глядя на нее. – Это все каминное тепло.

– Кажется, да, – сонно признала она. – Ой, как глупо. Едва могу открыть глаза.

– Ты засыпаешь, – повторил я. – Ты очень, очень устала. – Я поднял руку и медленно провел ею перед ее лицом. – Ты уже почти не видишь мою руку. Твои глаза закрыты. Когда я замолчу, ты уснешь.

Я опустил руку, и она крепко уснула.

У меня все было подготовлено и схвачено. Я взял несколько капель крови из ее руки, в том месте, где след от иглы был скрыт царапиной. Затем я приложил к ранке простое кровоостанавливающее средство и в ходе неспешного осмотра подтвердил те симптомы, которые искал. Когда спустя несколько минут я разбудил ее, она и не подозревала о случившемся.

– Ну надо же, – говорил я ей, когда она проснулась, – не верю, что ты услышала хоть слово о старом Соломоне!

– Я без промедления подверг полученную кровь различным лабораторным тестам. Результат в сочетании с другими симптомами был неоспорим. С этого момента я утвердился в своем решении. Сама операция была несложной и прошла полностью успешно. Состояние пациентки подтвердило острую необходимость моих действий. Теперь Мари Север, вероятно, переживет свою мать – особенно если эта дама останется верна «Христианской науке». Что же до последствий... мне жаль, но я ни о чем не сожалею.

* * *

– Сюрприз, не так ли, инспектор?

Инспектор Бидел в сопровождении миссис Север и – если сравнительная степень уместна для описания ее значимости – в еще большем сопровождении мисс Джалп прибыл в «Арлинг-Лодж», где был немедленно принят. Именно Каррадос приветствовал его этими словами.

Бидел посмотрел на друга, затем на доктора Эллерсли. По неосознанной привычке он даже отметил размеры комнаты, расположение дверей и окон и основные предметы мебели. Его ум двигался довольно медленно, но всегда логично, и в делах, где хватало «здорового смысла», он редко терпел неудачи. Он привез миссис Север для опознания Мари, которую сам никогда не видел, а его люди остались снаружи, в пределах свистка на случай любой необходимости. Теперь инспектор понял, что ему, возможно, придется сменить тактику, и сразу стал действовать осторожно.

– Что ж, сэр, – признал он, – не ожидал увидеть вас здесь.

– Я и сам не предполагал, что приду. Миссис Север, – он поклонился ей, – кажется, мы уже встречались в неофициальной обстановке. И ваша подруга, мисс Джалп, если не ошибаюсь? Хорошо, что мы все здесь собрались.

– Это мое имя, сэр, – вмешалась строптивая Корнелия, – но мне неизвестно...

– У калитки рано – очень рано – этим утром, мисс Джалп. Я узнаю вашу походку. Но примите мои уверения, дорогая леди, – ибо мисс Джалп вздрогнула от девичьего смущения при этом воспоминании, – что хотя я и слышал вас, но не видел. Так вот, инспектор, с тех пор я обнаружил, что ввел вас в заблуждение. Это была моя ошибка – фундаментальный просчет. Вы были правы. Миссис Север была права. Доктор Эллерсли неоспоримо прав. Я говорю за него, потому что именно я приписал его действиям немыслимый мотив. Мари Север действительно в этом доме, но она была принята доктором Эллерсли в его профессиональном качестве и исключительно как пациентка... Мистер Север, в конце концов, признал, что винить во всем следует только его. Видите, вы все-таки были правы.

– Артур! О! – воскликнула миссис Север, глубоко тронутая.

– Но почему, – враждебно потребовала другая дама, – с какой стати этому человеку понадобилось держать ее здесь?

– Мистер Север был крайне обеспокоен состоянием здоровья своей дочери, – серьезно ответил Каррадос. – Его версия такова: опасаясь чего-то серьезного, он представил девочку этому выдающемуся специалисту, который обнаружил опасное – критическое – состояние, устранимое только путем немедленной операции. Доктор Эллерсли спас жизнь вашей дочери, миссис Север.

– Чепуха! – возбужденно выкрикнула мисс Джалп. – Это безобразие – уголовное преступление! Операция! Никакой опасности не было – и быть не могло, пока я рядом. На этот раз вы попались, доктор Эллерсли. Боже мой, ну и дельце из этого выйдет!

Миссис Север опустила на стул, бледная и дрожащая.

– Я почти не могу в это поверить, – выдавила она. – Это преступление. Доктор Эллерсли... ни один врач не имел на это права. У мистера Севера нет вообще никаких полномочий. Суд отдал Мари под мою полную опеку.

– Прошу прощения, – вмешался Каррадос с мягкостью, присущей человеку, полностью владеющему собой и ситуацией, – прошу прощения, но ставили ли вы когда-нибудь доктора Эллерсли в известность об этом судебном решении?

– Нет, – признала миссис Север с легким удивлением. – Нет. С чего бы мне это делать?

– Вот именно. С чего бы? Но известно ли вам, знаком ли вообще доктор Эллерсли с деталями ваших несчастливых семейных разногласий?

– Я понятия не имею. Да какое это имеет значение?

– Только вот такое: с какой стати доктору Эллерсли подвергать сомнению полномочия родителя, который привозит к нему своего ребенка? Это лишь показывает, что именно отец обеспокоен ее благополучием. Насколько было известно доктору Эллерсли, миссис Север, это

как раз вы могли не иметь полномочий. Вряд ли можно ожидать, что врач отложит критическую операцию ради расследования семейных дрызг своих пациентов.

– Но все это время... это ужасное неведение. Он должен был знать.

Каррадос пожал плечами и, казалось, взглянул в другой конец комнаты, где до этого момента неподвижно стоял хозяин дома.

– Я знал, миссис Север. Я не мог не знать. Но я знал и кое-что другое, а для врача интересы пациента должны стоять выше любых обыденных соображений. Если возникнет необходимость, я буду готов в любое время обосновать свое молчание.

– О, необходимость возникнет, и довольно скоро, уж не сомневайтесь, – вклинилась неугомонная мисс Джалп. – В этом деле, Ида, куда больше смысла, чем мы пока уловили. Чертовски хитрая затея – выставить сейчас Севера вперед. Никогда не верила, что он к этому причастен. Он слишком малодушен, чтобы на такое решиться. И где теперь Артур Север? Скрылся, конечно; покинул страну, причем за чужой счет.

– Вовсе нет, – любезно отозвался Каррадос. – Раз уж вы спрашиваете, мисс Джалп, – он повысил голос, – мистер Север!

Дверь открылась, и в комнату с величайшим хладнокровием вошел Север. Он отвесил холодный поклон жене и фамильярно кивнул полицейскому чину.

– Ну что, инспектор, – заметил он, – в конце концов вы меня прижали, как видите.

– Я бы не был в этом так уверен, – коротко отрезал Бидел.

– О, бросьте; вы слишком скромны. Мое неубедительное алиби, которое вы разбили в пух и прах. Печатное письмо, столь неоспоримо написанное моей рукой. И Григсон – ваш непоколебимый, верный свидетель с этой станции, инспектор. Теперь от Григсона никуда не деться, вы же знаете.

Бидел озадаченно потер подбородок, но ничего не ответил. Казалось, ситуация зашла в тупик.

– Быть может, нам стоит хотя бы присесть, – предложил Эллерсли, чтобы нарушить тишину. – Нас довольно много, но, думаю, стульев хватит на всех.

– Если бы я не была смертельно утомлена, я бы скорее упала замертво, чем села в доме человека, именующего себя врачом, – заявила мисс Джалп. После чего довольно грузно опустилась на стул. Сразу вслед за этим раздался пронзительный вопль, истошный крик боли и испуга, и дама, вскочив как ошпаренная, обернулась, чтобы подозрительно осмотреть место, которое только что покинула.

– Это была игла, Корнелия, – сказала миссис Север, сидевшая рядом. – Смотри, вот она.

– Боже мой, какая неприятность, – воскликнул Эллерсли, наблюдая за происходящим. – Одна из моих хирургических игл. Очень надеюсь, что ее как следует простерилизовали после последней операции.

– Что вы сказали? – резко переспросила мисс Джалп.

– Ну, – медленно пояснил доктор, – я имею в виду, что существует такая вещь, как заражение крови. По крайней мере, – поправился он, – для меня такая вещь существует. Для вас же, к счастью, ее нет. Как не существует и боли, – задумчиво добавил он.

– Вы хотите сказать, – раздельно и четко произнесла мисс Джалп, – что из-за вашей небрежности, вашей преступной небрежности, я подвергаюсь риску заражения крови?

– Корнелия! – воскликнула миссис Север, бледнея от недоверия.

– Конечно же нет, – парировал хирург. – Как это возможно, если подобных вещей не существует?

– Мне плевать, существует это или нет!

– Корнелия! – в ужасе повторила ее верная ученица.

– Замолчи, Ида! Это мое дело. Это не похоже на обычную болезнь. Я всегда до ужаса боялась заражения крови. Оно мне в кошмарах снится. Мой отец умер от него. Ему вставляли

стеклянные трубки в вены, и в ту ночь, когда он умер... О, я говорю вам, я не вынесу даже мысли об этом! Ни во что другое я не верю, но заражение крови...

Она содрогнулась.

– Послушайте, доктор, – заявила она, внезапно перейдя на практический тон, – если я из-за этого лягу в постель, вам придется за все ответить и выплатить весьма солидную компенсацию за ущерб.

– Но в худшем случае это сущий пустяк, – возразил Эллерсли. – Если вы позволите мне обработать рану...

Мисс Джалп покраснела так густо, как только может покраснеть смуглолицая дама сорока пяти лет.

– Как я могу позволить вам обработать это место? – огрызнулась она. – Оно же...

– О, Корнелия, Корнелия! – укоризненно воскликнула миссис Север сквозь слезы прозрения. – Неужели вы действительно готовы предать те великие принципы, которым меня учили?

– У меня здесь есть обученная медсестра, – предложил доктор. – Она сделает все не хуже меня.

– Вы действительно уходите? – спросила миссис Север, так как не оставалось сомнений: мисс Джалп уходит, и уходит весьма поспешно.

– Я ни на йоту не отступаю от своих принципов, Ида, – заметила та. – Но нужно уметь различать. Бывают болезни естественные, а бывают – неестественные. Мы справедливо говорим, что смерти не существует, однако никто не станет отрицать, что адепты «Христианской науки» фактически – в обычном понимании этого слова – умирают. Возможно, дорогая, это пока выше твоего понимания, но я надеюсь, что когда-нибудь ты увидишь это в свете более глубокой тайны.

– Вот как? – отозвалась миссис Север с холодным презрением. – Сейчас я вижу лишь то, что для вас существует один закон поблажек, а для ваших жертв – совсем другой.

– В конце концов, – вмешался Эллерсли, – этой неловкой дискуссии могло и не возникнуть. Теперь я вижу, что злополучный инструмент – всего лишь одна из штопальных игл миссис Гласс. Какая неосторожность с ее стороны! Вам нечего бояться, мисс Джалп.

– О, вы трус! – задыхаясь от возмущения, выкрикнула мисс Джалп. – Трус! Я не останусь здесь ни на мгновение. Я ухожу домой.

– Я вас не задерживаю, – бросила миссис Север, когда та проходила мимо. – Ваш дом, кажется, в Чикаго? Энн поможет вам собрать вещи.

Каррадос поднялся и коснулся руки Бидела.

– Мы здесь больше не нужны, инспектор, – шепнул он. – У этого дела отвалилось дно.

И они вместе тихо вышли.

Миссис Север посмотрела через всю комнату на своего бывшего мужа, помедлила и неторопливо подошла к нему.

– Здесь многое мне непонятно, – сказала она. – Но верно ли я чувствую: ты был готов отправиться в тюрьму, чтобы выгородить человека, который спас Мари?

Север слегка покраснел. Затем он выдал решительный ответ.

– Я готов отправиться в ад ради этого человека за то, что он сделал для Мари, – коротко отрезал он.

– О! – вскрикнула миссис Север. – Жаль, что ты никогда не говорил, что готов отправиться в ад ради меня!

Изгой уставился на нее. Затем на его лице промелькнуло странное выражение – кривая улыбка, полная нежности и полунасмешливого юмора.

– Дорогая моя, – серьезно ответил он, – возможно. Но я частенько об этом подумывал!

Доктор Эллерсли, проводивший двух последних уходящих гостей, заглянул в дверь.

- Я слышал, Мари проснулась, – сказал он. – Подниметесь к ней сейчас, миссис Север?
- С робкой улыбкой дама протянула руку мужчине в поношенной одежде.
- Ты должен пойти со мной, Артур, – поставила она условие.

Тайна башни Данстан

Мистер Каррадос обладал той особенностью, что мог при необходимости в мгновение ока бросить самое поглощающее занятие своей повседневной жизни, целиком посвятить себя решению какой-нибудь криминологической задачи – что могло занять несколько дней, – а затем вернуться и подхватить нить своих частных дел ровно в том месте, где ее оставил.

Утром третьего сентября он диктовал секретарю монографию, которой дал завлекательное название: «Портрет Александра Великого в образе Зевса-Аммона на неизданной октадрахме Македонии», когда принесли телеграмму. Греторекс, секретарь, разбирал подобные сообщения в обычном порядке и, взяв конверт с подноса Паркинсона, вскрыл его в паузе между двумя предложениями.

– Это ваше личное дело, сэр, – заметил он, мельком взглянув на текст. – Подано в Незерхемпфилде в 10:48 утра. Повторно. «Еще на шаг выше. Совершенно сбит с толку. Таллок».

– О да, все верно, – сказал Каррадос. – Без ответа, Паркинсон. Вы записали: «римского владычества»?

– «...тип мастерства, все еще хранивший память о спартанском влиянии вплоть до эпохи римского владычества», – прочитал секретарь.

– Достаточно. Как ходят поезда до Незерхемпфилда?

Греторекс отложил блокнот и взял справочник «А-Б-В».

– Отправление с Ватерлоо в 11... – Он взглянул на настольные часы. – Нет, этот не подходит. 12:17, 14:11, 17:09, 19:25.

– Поезд в 17:09 должен подойти, – вставил Каррадос. – Прибытие?

– В 18:48.

– А теперь посмотрим, что говорит об этом месте справочник.

Желтый железнодорожный гид уступил место более весомому тому, и секретарь зачитал следующие сведения: «Незерхемпфилд, приход и деревня, нас. 732 чел., Южный Дауншир. 2728 акров земли и 27 – воды; почва – богатый суглинок, используется под пашню, пастбища, сады и леса; подпочва разнообразная. Церковь Святого Данстана (отреставрирована в 1740 г.) – саксонская и раннеанглийская готика. Имеет дубовую кровлю с причудливыми гротескными выступами и содержит латунные таблички и другие памятники семейства Эйносфорд (самые ранние датируются XIII веком). В „Свайнфилде“, в полутора милях к юго-западу от деревни, находятся 15 крупных камней, известных среди местных как „Судья и присяжные“, которые представляют собой остатки друидического круга и храма. Башня Данстан, окруженная рвом резиденция, построенная в баронском стиле и датируемая предположительно XIV веком, является родовым гнездом Эйносфордов».

– Три дня я вполне могу выделить, – задумчиво произнес Каррадос. – Да, поеду пятичасовым поездом.

– Мне сопровождать вас, сэр? – спросил Греторекс.

– Думаю, не в этот раз. Возьмите себе три выходных. Просто разберите почту и отдохните. Все важное пересылайте мне на имя доктора Таллока. Если не напишу, ждите меня в пятницу.

– Хорошо, мистер Каррадос. Какие книги велеть Паркинсону упаковать?

– Пожалуй... «Тезаурус» Гесснера и – да, можете добавить «Кельтскую мифологию» Иларiona.

* * *

Шесть часов спустя Каррадос уже был на пути в Незерхемпфилд. В его кармане лежало письмо – единственное объяснение того, почему он внезапно решил посетить место, о котором до сегодняшнего утра даже не слышал:

«Дорогой мистер Каррадос (или „старина Уинн“, как бывало раньше), – помните ли вы парня из школы Святого Михаила, который коллекционировал насекомых, по фамилии Таллок – его еще звали „Уховерткой“? Что ж, вы найдете эту фамилию в конце сего послания, если у вас хватит терпения дочитать до конца. Полгода назад я столкнулся с Джарвисом на платформе Юстон – вы узнали бы его по рыжим волосам и огромным ступням, – и мы устроили быстрый и обстоятельный перекур. Он рассказал мне, кто вы теперь, услышав о вас от Лессинга, который, кажется, редактирует какой-то высококлассный журнал. Этот Лессинг всегда был немного эксцентричным.

Что до меня самого, то в данный момент я подменяю местного врача в богом забытом местечке, которое вряд ли отыщешь на карте мельче четырехдюймовой топографической. Впрочем, не скажу, что все совсем плохо: в ручье водится форель, и после пяти лет в Синдер-Муре, в „Черной стране“⁶, на этой улыбочивой земле воцарился великий и священный покой.

Но ты догадываешься, что я не стал бы отнимать время у занятого и важного человека, если бы мне нечего было сказать, и ты прав. Это может тебя заинтересовать, а может и нет, но суть вот в чем.

Примерно в двух милях от деревни, в своего рода средневековой цитадели, известной как башня Данстан, проживает старинный дворянский род по фамилии Эйносфорд. Собственно говоря, они здесь – это все, ибо все вокруг принадлежит им. Их власть простирается от права взимать с тебя два пенса, если ты продашь свинью в промежуток между вечером пятницы и утром понедельника, до права потребовать обмена ножнами с правящим монархом, если тот окажется на расстоянии семи полетов стрелы от высшего зубца башни Данстан. (Насколько я понимаю, ни один правящий монарх здесь так и не появился, но это не вина Эйносфордов). Если же отбросить шутки, этим Эйносфордам, несмотря на отсутствие особых богатств или титулов, отведено исключительное положение. Мне говорили, что едва ли найдется герцогиня, способная устоять перед моральным авторитетом старой дамы Эйносфорд в светских делах, хотя сама она теперь почти не выезжает за пределы Незерхемпфилда.

Мои отношения с этими вельможами должны были носить сугубо профессиональный характер, и в каком-то смысле так оно и есть, но в дополнение к этому я оказался втянут в полнокровную тайну старого дома с привидениями, которая совершенно ставит меня в тупик.

Дэрриш, место которого я занимаю на эти три месяца, имел своего рода договоренность: раз в неделю он должен был приходить в башню и развлекать старушку Эйносфорд пару часов под предлогом проверки ее пульса. Оказалось, что мне суждено продолжить эту традицию. К счастью, старая дама при близком знакомстве оказалась весьма любезна. У меня нет никаких светских манер, и на этой почве мы прекрасно поладили. Слышал, она считает меня „человеком в высшей степени ответственным“.

⁶ Черная страна – это промышленный регион в Англии к северо-западу от Бирмингема, который в XIX – начале XX века славился угольными шахтами и заводами. Небо там вечно было черным от копоти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.